

Владислав Зринчев

ПРИНЦ, ПРОСТАК И КОРОЛЬ-РЫБАК

Рыцарский роман-загадка

Владислав Зритнев

Принц, простак и король-рыбак

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68915364

SelfPub; 2023

Аннотация

Пятнадцатый век... Северный Ренессанс... Тайна, требующая разгадки... В книге кто-то найдет параллели с творчеством Умберто Эко, кто-то – с романами Дэна Брауна. Следуя за захватывающим сюжетом, каждый сам сможет решить: что это – исторические приключения или пародия на конспирологический детектив?

Содержание

Пролог, в котором впервые появляется кусочек пергамента	5
Глава I, в которой рыцарь все же приходит на помощь девушке	19
Глава II, в которой звучат голоса	31
Глава III, в которой девушка не остается в долгу	37
Глава IV, в которой герои строят теории	45
Глава V, в которой рыцарь с девушкой пробираются в монастырь	52
Глава VI, в которой маркиз ищет след	60
Глава VII, в которой теория начинает играть новыми красками	63
Глава VIII, в которой трактуются сны	68
Глава IX, в которой монах вспоминает о курице	73
Глава X, в которой обсуждаются тайные общества	78
Глава XI, в которой маркиз продолжает идти по следу	82
Глава XII, в которой по-новому трактуются старые идеи и рассматривается сущность времени	85
Глава XIII, в которой встречаются речь живая и книжная	93

Глава XIV, в которой трубадур обретает рыцарские доспехи	97
Глава XV, в которой становится понятно, что неизбежный конец был не окончательным	107
Глава XVI, в которой описывается яркое историческое событие, но нетерпеливый читатель ее может и пропустить	114
Глава XVII, в которой на базаре происходит прелюбопытнейшее явление	119
Глава XVIII, в которой случается кое-что важное	127
Глава XIX, в которой герои штурмуют и обороняют город	138
Глава XX, в которой повествование приближается к завершению	150
Эпилог, в котором рыцарь находит меч и ответ	157

Владислав Зритнев

Принц, простак и король-рыбак

Пролог, в котором впервые появляется кусочек пергамента

Маркиз ни перед чем не остановится. Нотариус из Арагона хорошо это понимал. Фердинанд Маркес прожил долгую жизнь и умел разбираться в людях. Во взгляде собеседника он прочитал готовность пойти на любые меры. На крайние – если потребуется. Старик поежился и отступил на шаг...

– Я давно хотел переговорить с вами, – начал маркиз, приближаясь к нотариусу, – правда, предполагал сделать это в более подходящей обстановке...

Он брезгливо оглядел обшарпанный переулок. Захламленные канавы не справлялись с отводом воды, отчего грязные лужи хлюпали под ногами. Фердинанд еще раз шагнул назад и уперся в стену.

– Что вам нужно? – нотариус пытался говорить решительно, но его голос помимо воли дрогнул. – Я с вами не знаком.

– Вот и познакомимся, – мягко, однако от этого еще более

зловеще промолвил маркиз. – Моя временная резиденция находится неподалеку. Там нам будет удобнее разговаривать. Прошу вас, сообразовывайте воспользоваться моей каретой.

Роскошный экипаж стоял рядом. Четверка рослых вороных коней нетерпеливо била копытами. С подчеркнутым почтением маркиз открыл позолоченную дверцу и пригласил нотариуса сесть в карету.

– Я никуда не поеду! – отрезал Фердинанд Маркес. – Еще раз вас спрашиваю: кто вы такой?

– Разве я не сказал? – кажется, незнакомец начал терять терпение. – Маркиз Арбогаст.

– Мне неизвестна эта фамилия.

– Я единственный представитель своего рода.

Маркиз возвышался над стариком, словно статуя, высеченная из камня. Грозный, широкоплечий, даже красивый. От произведения древнеримского скульптора его отличал только безвольный маленький подбородок. Однако единственной детали хватало, чтобы разрушить весь образ.

– Чего вы от меня хотите? – нотариус действительно этого не понимал.

– Вы ведь душеприказчик графа Флореса? – не спросил, а скорее уточнил маркиз.

Фердинанд вздрогнул. Он никак не ожидал услышать имя своего покойного друга. Замешательство Маркеса не укрылось от собеседника. Арбогаст понял, что попал в цель.

– Я не обсуждаю дела с посторонними, – наконец, ответил

старик.

– И хорошо поступаете, – улыбнулся маркиз, – однако из любого правила иногда следует делать маленькие исключения.

– Не в вашем случае.

Нотариус попытался уйти, но Арбогаст преградил ему путь. Улыбка исчезла.

– Вы душеприказчик графа, и мне это известно. Я также знаю, что граф передал вам... одну безделицу, назовем это так.

С трудом старику удалось сохранить на лице невозмутимое выражение.

– Не понимаю, о чем вы. Дайте мне пройти!

Маркиз не обратил внимания на его слова.

– Дело в том, – продолжал Арбогаст, вновь пытаясь придать голосу фальшивое дружелюбие, однако все еще заслоняя проход, – что я дальний родственник графа, и, следовательно, являюсь его наследником. Ведь, как вам, вероятно, известно, прямых потомков граф не имел.

– Вы лжете, – прервал его Фердинанд, прекрасно знавший генеалогическое древо своего друга. – Таких родственников у Флореса не было. И повторяю: граф ничего мне не передавал.

– Нет! Это вы лжете! – утратив самообладание, воскликнул маркиз. – Секрет у вас! И вы откроете его мне!

В запальчивости он схватил нотариуса за рукав.

– Да как ты смеешь, щенок! – взорвался Фердинанд, с силой оттолкнув маркиза. Старик замахнулся на него тростью, и на мгновение в голубых глазах Арбогаста мелькнул мальчишеский испуг. Однако уже через секунду маркиз овладел собой. Его рука потянулась к кинжалу на поясе, и при других обстоятельствах он, несомненно, пустил бы оружие в ход. Но нотариус пока был нужен ему живым. Побледнев, Арбогаст лишь поправил ножны и спокойно произнес:

– Господин Маркес, вам это дорого будет стоить.

– Не дороже, чем брала с клиентов твоя мамаша! – презрительно бросил старик и пошел прочь.

Фердинанд понимал, что только что подписал себе смертный приговор. Маркиз не из тех, кто стерпит оскорбление. Да и не в оскорблении дело. Дело в тайне, которую и вправду хранил старик. Только откуда этот мерзавец узнал о ней?!

Когда нотариус уже покидал переулок до него донеслись слова:

– До скорой встречи, господин Маркес! До *очень скорой* встречи!

Дорога домой заняла в тот день гораздо больше времени, чем обычно. По крайней мере, так показалось Фердинанду Маркесу. Он шел медленно, тяжело опираясь на трость, хотя и знал, что должен спешить. Разговор с Арбогастом не прошел для нотариуса бесследно. В почтенном возрасте нервы надо беречь. От волнения сердце старика начало ко-

лоть, а дышать становилось все труднее. Немного помогал холодный ветер, дующий с моря. Каждый свежий порыв, овевавший лицо, придавал Фердинанду сил, чтобы сделать еще один шаг.

Городок, где уже около двадцати лет жил Маркес, находился в Померании. В тысяча четыреста сорок девятом году нотариус перебрался сюда из Арагона. Переехать Фердинанду пришлось потому, что он вместе со своим другом графом Флоресом оказался замешан в одной из междоусобиц арагонской знати. Эта история не понравилась королю. И хотя правивший тогда Альфонсо Пятый носил прозвище Великодушного, друзья не стали искушать судьбу и покинули родину. Граф Флорес долгие годы скитался по разным странам, а Маркес обосновался в Священной Римской империи, так как любил немок и пиво.

Дом нотариуса располагался на улице Святой Магдалины. Такое название объяснялось тем, что в ее начале возвышалась старинная церковь, посвященная этой святой. Неподалеку от храма находился особняк Маркеса. Небольшое двухэтажное здание жалось к огромной церкви, как цыпленок к курице. Крытый черепицей, с приветливым аккуратным крыльцом, особнячок выглядел очень привлекательно. Готические окна дома повторяли форму окон церкви, потому что нотариусу нравилось, когда все выполнено в едином стиле.

С трудом Фердинанд поднялся по ступеням и постучал в дверь. Резная, дубовая, она долго не открывалось. Нотариус

едва находил в себе силы, чтобы стоять. Наконец дверь распахнулась, и перед стариком предстала стройная девушка в белом переднике.

– Господин Маркес! Что с вами? Вам нехорошо?

В голосе горничной звучала тревога и окситанский акцент. С первого взгляда она поняла, что у хозяина приступ. Не так давно его осматривал врач. Он долго слушал Маркеса и качал головой. Тем не менее, доктор сказал, что время еще осталось. И вот теперь старик почти при смерти.

– В дом... в кабинет... в кресло, – прохрипел нотариус, падая в прихожую.

Девушка подхватила старика под руки и помогла ему дойти до рабочей комнаты. Здесь Фердинанд обычно принимал посетителей, разбирал бумаги и читал книги. Книг в комнате находилось предостаточно! Заполненные ими буковые стеллажи занимали несколько стен. На свободных местах яркими масляными пятнами выделялись картины. Дополняли обстановку ворсистый ковер на полу, массивный полированный стол и мягкое, с зеленой обивкой, кресло. В него горничная усадила старика.

– Как вам помочь? – суежилась она. – Может вы хотите воды? Может сбегать за господином Бергером? – так звали врача, к которому обращался Маркес.

Нотариус устало махнул рукой.

– Нет. Шарлотта... спасибо, оставь меня.

– Но...

– Оставь меня! – повторил Фердинанд. Он даже смог придать голосу бескомпромиссные нотки.

Девушка поняла, испуганно кивнула и выпорхнула за дверь. Нотариус остался один. Он распластался в кресле, пытаясь прийти в себя. Минут через пятнадцать Маркесу немного полегчало. Во всяком случае, он стал дышать свободнее и смог начать обдумывать положение, в котором оказался.

– Флорес доверял мне, – размышлял Фердинанд. – Эта тайна была для него важнее всего на свете. Многие короли и прелаты отдали бы за обладание ею немалую часть своей власти. Прославленные полководцы не пожалели бы целых армий! Как странно, что этим секретом сейчас распоряжаюсь я, безвестный больной старик.

Он устало закрыл глаза, вспоминая последнюю встречу со своим другом...

– Ты все-таки нашел? – Маркес не верил своим глазам.

– Да, фамильные легенды не лгали, – красное перо покачивалось на шлеме графа. Флорес был облачен в запыленный миланский доспех – видимо, ему пришлось проделать большой путь в седле. – Спрячь *это* получше, Фердинанд. И никому даже намеком не дай понять, чем обладаешь.

– Почему ты отдаешь *это* мне?

– Ты долгие годы являлся моим поверенным. Теперь я хочу попросить тебя стать моим душеприказчиком. Если со мной что-нибудь случится, позаботься о том, чтобы эта тай-

на вместе с прочим наследством перешла к моему племяннику. Его адрес ты помнишь: Антверпен, Торговая улица.

– Но почему ты сам не воспользуешься *этим*?

– Пока не могу. Ты же знаешь, что в Арагоне мне все еще лучше не показываться.

– Как и мне.

– Поэтому я и выбрал тебя хранителем...

Воспоминание рассеялось. С той встречи минуло больше года. За прошедшее время о Флоресе не было никаких известий. А полтора месяца назад Фердинанд Маркес узнал, что графа не стало. Он умер от внезапной жестокой лихорадки, охватившей его в дороге где-то между Лионом и Берном.

Нотариус тотчас собрался ехать к наследнику графа. Но старика самого подкосила болезнь. Пришлось отложить поездку. Казалось, что торопиться некуда – несколько недель ничего не решат. В любом случае, то, что Фердинанд должен был доставить в Антверпен, он мог отвезти только лично. *Такое* нельзя доверять посыльным.

И вот сегодня обрушилась новая напасть! Кто такой этот маркиз Арбогаст? Откуда ему стало известно о тайне? И самое главное, как спастись от него? Сосредоточиться следовало на последнем вопросе, и Фердинанд мрачно задумался.

– Все варианты плохи, – рассуждал нотариус, – этот мерзавец точно знает, что секрет у меня. И переубедить его в этом не удастся. Наверняка он скоро нагрянет сюда. Тогда мне конец. И конец тайне. Что делать? Бежать? Прямо сей-

час мчаться в Антверпен или еще куда-то?

Он с надеждой приподнялся в кресле, но тут же упал. – Нет. Не смогу. Сил не хватит. Эх, было бы мне хоть лет на десять поменьше...

Фердинанд затравленно озирался словно ища поддержки у шкафов, книг, картин – привычной и дорогой ему обстановки, бывшей с ним столько лет. И неожиданно милые сердцу вещи пришли старику на помощь. Окинув комнату взглядом, он понял, что нужно делать.

– Шарлотта! – слабо позвал нотариус.

За дверью тотчас послышался стук быстрых каблучков. Через несколько секунд горничная вбежала в комнату. Она немного запыхалась, отчего ее пышная грудь вздымалась быстро-быстро.

– Вам что-то нужно? – с готовностью воскликнула девушка. – Принести лекарство?

– Принеси... – тяжело дыша, проговорил Фердинанд, – краски...

– Краски?!

– Да.

Встретившись с хозяином взглядом, Шарлотта поняла, что Маркес не шутит. Да и не в его состоянии было шутить. На мгновение ей показалось, что нотариус сошел с ума. Ему нужен врач, а не рисование! Однако послушаться горничная не посмела и опрометью бросилась в свою комнату.

Краски у Шарлотты были. Ведь она выполняла обязанно-

сти не только домашней прислуги, но и секретаря. Нотариус часто поручал Шарлотте переписывать тексты договоров, завещаний и других документов, не все из которых девушка могла даже понять. Но этого от нее и не требовалось. Достаточно было хорошего почерка. Шарлотта старательно выводила красивые буквы. Заглавные делала красными или зелеными, придавала им форму фениксов, единорогов, драконов. Края страниц оформляла декоративными бордюрами из синего и фиолетового орнамента. В итоге скучнейшие бумаги начинали играть живыми цветами и радовать глаз. Хотелось вставить их в рамку и повесить на стену.

Шарлотта достала из прикроватной тумбочки уксус, несколько сырых куриных яиц и круглые баночки с красящими пигментами. Из кристаллов индиго получится синий цвет, из свинцового сурика – красный, для черного – послужит древесный уголь, а из смешения синего и красного родится пурпурный. Оставив в расколотых скорлупках желток, девушка начала готовить яичную темперу. К желтку она добавляла немного уксуса и нужный краситель, получая тот или иной тон. Когда краски были готовы, Шарлотта отнесла их нотариусу вместе с новенькой, ни разу не использованной, беличьей кистью.

ШАРЛОТТА

– Ой! Я забыла пергамент! – спохватилась девушка, уже переступая порог.

– Ничего. У меня есть, – успокоил ее старик и достал из ящичка письменного стола небольшой кусочек пергаamenta.

Дождавшись, когда горничная выйдет из кабинета, Фер-

динанд Маркес еще раз окинул взглядом предметы в комнате и, глубоко вздохнув, принялся за работу. Он рисовал с удовольствием, даже с нежностью. Тщательно что-то закрашивал, обводил, правил. Руки старика колдовали над пергаментом, а память уносилась куда-то далеко-далеко.

...Желто-золотой день. Арагон. Сарагоса... Пылинки над дорогой кружатся в косых солнечных лучах. Небо синее-синее, точно такого цвета, как краска, сделанная Шарлоттой. Неподалеку – церковь в романском стиле. Из-за массивных стен и маленьких окон она напоминает крепость. Воскресная служба только что кончилась. Родители (еще совсем молодые) задержались у дверей храма, о чем-то разговаривая со священником, а маленький Фердинанд (всего-то четыре годика), вдруг предоставленный сам себе, рисует найденным угольком на стене церкви. Рисунок очень простой: вот – мама, вот – папа, вот – я, вот – прекрасная принцесса, а вот – страшный дракон. И Маркес с восторгом пририсовал меч... Одно из первых воспоминаний. С наивного рисунка жизнь началась, наивным рисунком и кончится.

– Шарлотта! – снова позвал старик.

Пока горничная бежала по коридору, Маркес успел спрятать пергамент в конверт, капнуть на него сургучом и приложить печатку, сделав оттиск – барсука, держащего ключ. Когда из-за двери выглянули большие глаза, нотариус протянул Шарлотте уже готовый к отправке пакет и кошелек, туго набитый монетами.

– Это письмо должно быть доставлено в Антверпен, Торговая улица, Флоресу младшему. И чем скорее, тем лучше. Трать сколько потребуется.

– Но здесь слишком много, – растерянно промолвила девушка, замотав головой.

– Излишки оставь себе, – отрезал Фердинад тоном, нетерпящим возражений – И поторопись, дорога каждая минута!

Он нервно оглянулся, словно за спиной могло стоять привидение. Ничего не понимая, Шарлотта взяла письмо и сунула за корсаж. Там оно будет в безопасности. Нотариус вдруг сильно сжал ее руку и быстро пробормотал:

– Спасибо... Спасибо за все...

После чего вытолкнул девушку в коридор и запер дверь изнутри. Удостоверившись по звуку шагов, что горничная ушла, Фердинанд снова сел в кресло. Он глубоко дышал и считал про себя, стараясь успокоиться. Маркиз пообещал скорую встречу, значит, скоро нагрянет сюда. Этот негодяй что-то говорил про свою резиденцию. Там наверняка найдется и дыба... Старика передернуло. Нельзя, нельзя, чтобы ему досталась тайна! Сердце опять начало выпрыгивать из груди. Нотариус взял из шкафа маленький лиловый флакончик и нацедил под язык несколько капель. Это поможет... Аптекарь уверял, что средство надежное...

Ожидание не продлилось долго. Вскоре Фердинанд услышал настойчивый стук с крыльца. Открыла кухарка.

– Господин Маркес, к вам посетители!

В коридоре раздался тяжелый топот нескольких человек. Замок лязгнул под обрушившимся ударом. Кто-то начал остервенело ломиться в запертый кабинет. Однако старик уже не боялся. Он сидел в кресле не двигаясь, умиротворенно. Яд действовал быстро. И когда дверь слетела с петель, нотариус был уже мертв.

Глава I, в которой рыцарь все же приходит на помощь девушке

– Трактирщик! Еще пивка!

В обеденном зале, как обычно, собралось пестрое общество. Простые трудяги, забежавшие перекусить, скромно жевали булки и заказывали себе только полкружки пива – так можно было и сэкономить, и не сильно опьянеть, перед тем как вернуться к работе. Богатые торговцы, обсуждали за изысканной трапезой важные сделки. Негоцианты старались меньше пить сами, и больше наливать собеседнику. Кто побеждал в этой игре, тот и составлял капитал. Знатные горожане в ярких бархатных камзолах с тяжелыми геральдическими перстнями на холеных пальцах гуляли всюду, стремясь пустить пыль в глаза публике и друг другу.

Центральное место в зале занимала длинная выскобленная локтями выпивох стойка. В начале своей карьеры она была девственно чиста. Однако за долгие годы ежедневных кутежей на вишневом дереве появились пропалины от упавших свечей, въевшиеся пятна от разлитых напитков, а кое-где можно было найти и выцарапанные ножом неприличные выражения. За порчу мебели трактирщик щедро отвешивал тумачи. Он возвышался за стойкой, как вепрь в логове. Грозный, толстый, в колпаке и красном фартуке. Закатанные ру-

кава рубахи демонстрировали густую шерсть на его руках.

За спиной трактирщика выстроились в ряд огромные бочки. Сделанные из мореного дуба, они потемнели от времени и впитали в себя столько хмельного, что жуки-древоточцы, доведись им полакомиться такой бочкой, одновременно и выпивали бы, и закусывали. Розливом напитков хозяин занимался лично, а разносили их гостям служанки – бойкие девчонки, хорошо знающие, кому можно позволить себя ущипнуть, а кому – вмазать оплеуху. С тяжелыми подносами, уставленными пенящимися кружками, они сновали между больших столов, занимавших середину помещения. У стен притулились столики поменьше. За одним из них сидела неприметная компания.

Это были четверо городских стражников, закончившие дежурство и пришедшие в трактир развлечься. Их единственное обмундирование – ржавые шапелы и боевые цепи – мирно лежали на лавке, сваленные в кучу. Посредине стола на блюде манила к себе, источая божественный аромат, жареная курица, и каждый из стражников отломил от нее кто ножку, а кто – крылышко. Четыре больших стакана уже были опустошены и наполнены заново. Снова взяв их в руки, друзья задумались.

– За что выпьем на этот раз? – спросил один из них с закрученными усами и шрамом на подбородке.

– Давайте, за герцога, – предложил самый молодой.

– За Эрика или за Вартислава?

– Давайте за обоих!

– Давайте!

Звонко чокнувшись, стражники выпили до дна. Шустрые служанки быстро обновили пиво.

– А теперь за что? – вновь спросил усатый, поднимая стакан.

– Теперь – за курфюрста Бранденбургского! – ухмыляясь, сказал самый старший с инеем морщинок вокруг хитрых глаз.

Приятели засмеялись и снова выпили.

– И Богу свечка, и черту кочерга!

– Мы люди служивые. Что тот сеньор, что этот...

– Не будет на этой земле порядка!..

Все понимали, о чем идет речь. Борьба разгорелась после кончины Померанско-Штетинского правителя Отона III. Братья Эрик и Варатислав из династии Грифичей считали, что Померания должна отойти им. Но курфюрст Фридрих, по прозвищу Железный зуб, был с этим не согласен. По его мнению, право на Померанию принадлежало Бранденбургу. Трудно сказать, за кем была правда. В народе некоторые выступали за герцогов, некоторые – за курфюрста. Большинству же было решительно все равно, лишь бы важные господа не мешали жить простым людям. Такого же мнения придерживались и четверо стражников, готовые поддержать кого угодно, если при этом в трактире по вечерам не переведется пиво и курица, а в карманах будет достаточно денег,

чтобы платить за них. Как и другие жители этого небольшого городка, стражники надеялись, что брань сеньоров обойдет их стороной. Тем не менее погромыхивало уже поблизости. Бранденбург начал наступать и занимать крепости по берегам Одера.

Звякнув посудой, круглолицая шатенка поставила перед компанией новый поднос с выпивкой и закусками. Такое приятное событие мгновенно отвлекло стражников от политики и обратило их внимание на еду, пиво и симпатичную девушку.

В этот момент негромко хлопнула входная дверь и в обеденный зал вошел еще один посетитель. Он растерянно остановился, пытаясь найти свободное место.

– Гляди, – сказала шатенка стражнику с закрученными усами, – это тот рыцарь, про которого я тебе вчера рассказывала.

– Персиваль Вент?

– Он самый!

Ловко увернувшись от шлепка, девушка, смеясь, убежала. Неодобрительно посмотрев ей вслед, стражник стал украдкой внимательно изучать вошедшего.

Лет тридцати на вид, светловолосый, стриженный под горшок, высокий и довольно худой, но широкоплечий. Атлетическое телосложение, явно достигнутое постоянными тренировками, выдавало в нем воина. В зеленой стеганной куртке-пухляке, коричневых шосссах и кожаных башмаках – мо-

лодой человек был одет по-рыцарски просто. Единственным украшением его костюма являлась серебряная пряжка ремня, на которой помещалась эмблема: медведь, проливающий слезы над расколотым сердцем.

Рыцарь, наконец, нашел незанятый стол. Он стал протискиваться к свободному месту через галдящую, жующую и веселящуюся залу, не забывая извиняться, если кого-нибудь толкал или наступал на ногу. Добравшись до цели, рыцарь с облегчением уселся на стул, отодвинулся в уголок, поближе к камину, где ласково трещали дрова, и принялся ждать, когда служанка принесет пиво.

– Кто это такой? Чего ты на него уставился? – удивленно спросили приятели у стражника с закрученными усами.

– Это – некий проезжий рыцарь, – ответил тот. – И должен вам сказать, человек он, видимо, не простой. Станный человек, может быть – удивительный... По крайней мере, если верить тому, что о нем говорят.

– Что же о нем рассказывают? – с интересом спросил другой стражник, уплетая сыр.

– Говорят, зовут его Персиваль Вент, – усатый явно радовался возможности показать, что знает больше товарищей. – Он рыцарь из Мекленбурга. Земля та, как, впрочем, и наша, в старину принадлежала славянам и звалась Велиград.

– Это правда, – важно кивнув, подтвердил пожилой стражник, – славяне издавна жили на Эльбе и в других местах по берегам Восточного моря. Не один век они сопро-

тивлялись германскому натиску, но в итоге были покорены и растворились среди пришедших завоевателей.

Стражнику с закрученными усами явно не понравилось, что его перебили. Ему хотелось вещать одному и, смерив собеседника строгим взглядом, он веско продолжил:

– Не все они растворились. Некоторые семьи смогли сохранить в чистоте славянскую кровь. И Венты – одни из них.

– Что же тут необычного? – вновь заговорил пожилой, в свою очередь буравя глазами товарища. – Славян много жило на этих землях. Вполне естественно, что их потомство продолжается здесь и сейчас.

– А то, – воскликнул усатый, – что остальные живут смирившись, а Персиваль смиряться не хочет!

– Как это? – не поняли все.

– Хочет уехать в свободную славянскую страну, – пояснил стражник с закрученными усами. – Для того он, якобы, и предпринял путешествие на восток, и так оказался в нашем городе. Живет тут в трактире уже больше недели. Отдыхает, набирается сил, прежде чем снова продолжить путь.

– Куда же он едет?

– Говорят, в Псков. Планирует стать там новым Довмонтом.

– Но ведь это студеная варварская страна! – изумился самый молодой из стражников.

– На твоём месте я бы не спешил с выводами, – осадил его старший. – Русские – древний и сильный народ. Их князья

в родстве с римскими императорами. Они правят обширными землями между Гипербореей и Великой Тартарией. Им удалось остановить орду пострашнее Аттилы. И самое главное, их щиты до сих пор удерживают ее. Где будем мы, если вдруг дрогнут московские дружины? А в морозной зиме нет ничего плохого.

– Пожалуй, что так, – согласившись, пожал плечами молодой. – Только я до сих пор не могу понять: что же удивительного в истории этого рыцаря?

Все вслед за ним вопросительно уставились на стражника с закрученными усами. Тот ждал этого момента. Как заправский шулер достающий из рукава козырный туз, он кинул друзьям последний, сокрушительный аргумент.

– Дело в том, что Персиваль – оборотень...

Слова прозвучали просто и буднично, но нужное действие произвели. Насладившись повисшей паузой, усатый продолжил:

– Оборотень, или что вроде того. Иными словами, есть у него какая-то тайна. Никогда, слышите, никогда не выходит он на улицу после захода солнца. Запрется в комнате и сидит до утра. И одному Богу известно, что происходит с ним. Некоторые считают, будто он превращается в волка.

Стражники испуганно притихли, однако пожилой, подумав, сказал:

– Не нужно сочинять сложное объяснение, если можно найти простое. Может быть, этот Персиваль – просто соня.

Сам герой захватывающего обсуждения тем временем мирно сидел за столом, все еще ожидая пива. Смоляной дымок от еловых поленьев, горящих в камине, слегка щекотал нос. Вытянув ноги и откинувшись на спинку стула, рыцарь расслабился и, прищулив глаза, лениво оглядывал людей в зале. Он даже не догадывался, что вызвал такой интерес у группы стражников и не задержал на них взор. У противоположной стены несколько мастеровых пели хором. До слуха Персиваля долетали обрывки задорных куплетов, нестройно выводимых пьяными голосами. Кто-то ел, кто-то пил, кто-то играл в кости. Кажется, один из игроков жульничал...

Через несколько минут служанка принесла пиво в большой керамической кружке и поставила ее на белой салфетке перед рыцарем. Увесистую холодную кружку приятно было держать в руке. На запотевших боках виднелись выпуклые пучеглазые раки, грозящие друг другу клешнями. Аромат хмеля сразу поднимал настроение, которое в тот день у Персиваля и без того было неплохое. Он попросил добавить к заказу бекон с хлебом и с удовольствием пригубил шапку пушистой пены, продолжая посматривать по сторонам.

За соседним столом расположился чернобородой кузнец, который что-то горячо доказывал сидящему напротив него человеку. Внезапно кузнец не закончил фразу, челюсть его отвисла, глаза расширились. И взгляд этих глаз был устремлен к трактирным дверям.

Персиваль посмотрел туда и увидел молодую женщину.

Она вошла в обеденный зал стремительной упругой походкой. В ее движениях было что-то напоминающее бег сильной красивой лошади. Ощущение подкреплялось длинной гривой льняных волос. Синяя юбка оплеталась вокруг стройных ног, а часто вздымающуюся грудь было не под силу стянуть тугому корсету.

К удивлению Персиваля, женщина направилась к столу, за которым сидел невзрачный потрепанный мужичок. Вернее, не сидел, а почти лежал, так как он явно перебрал с выпивкой и то и дело начинал клевать носом. Блондинка решительно тряхнула его за плечо. Мужичок что-то зло пробурчал, но не поднял головы.

«Семейная сцена, – подумал рыцарь. – Муж пьян, жена пытается отвести его домой. Только как этому недотепе досталась такая красотка?». Они действительно выглядели странной парой. Мужичок был невысок и пузат. На фоне привлекательной женщины он смотрелся совсем неважно. Персиваль попытался по внешнему виду определить ремесло выпивохи, но это оказалось довольно трудно. Единственной приметной деталью был висящий на его боку воловий рожок. Охотник? Пастух?

Блондинке тем временем кое-как удалось привести пьяного в чувство. Она принялась что-то настойчиво втолковывать ему. Из-за стоящего в зале шума Персиваль не разобрал слов, но мог предположить, о чем идет речь. Мужичку это не понравилось. Он резко оттолкнул женщину, отчего та

едва не упала. Рыцарь даже подумал, не вмешаться ли ему, но тут же остановил себя: «Не мое дело. Милые бранятся – только тешатся».

Красотка продолжала в чем-то убеждать пьяницу. Он вяло отмахивался и вдруг что-то сказал. Блондинка залилась краской и тут же выплеснула ему в лицо пиво из стоящего на столе кувшина. Несколько секунд тот растерянно хлопал глазами, затем, взбешенный, вскочил и попытался ударить женщину. Персиваль решил все же заступиться за незнакомку, но прежде, чем рыцарь успел что-либо предпринять, захмелевшей мужичок пошатнулся и с грохотом рухнул под стол. Через мгновение оттуда послышался раскатистый храп.

Обрадованный, что его помощь не понадобилась, Персиваль спокойно уселся на место. Ему совсем не хотелось лезть в чужую личную жизнь. И вообще не хотелось никаких приключений в этом городе. Поскольку дама теперь была в безопасности, рыцарь мог спокойно продолжить пить пиво. Чем с удовольствием и занялся.

Блондинка, кажется, не знала, что делать дальше. Она потыкала носком башмачка храпящего пьяницу. Убедилась, что разбудить его не сможет даже иерихонская труба. После чего направилась к стойке, видимо, желая о чем-то попросить трактирщика. Однако до стойки женщина не дошла.

В обеденный зал ворвались двое мужчин. В черных кожаных дублетах, усиленных кольчужными вставками, с длинными мечами у пояса – это явно были не случайные про-

хожие. Они действовали слаженно, решительно и четко, по всей видимости, хорошо зная свою цель. Не дав никому в трактире опомниться, они заломили блондинке руки и повели ее к выходу. На лице женщины отразился даже не страх, а совершеннейшая растерянность.

«Какого черта здесь происходит?!» – мысленно воскликнул Персиваль, едва не подавившись пивом. На семейную ссору происходящее явно уже не тянуло. Рука привычно рванулась к эфесу клинка, но рыцарь отправился обедать без оружия. Блондинка отчаянно кричала, зовя на помощь. Недолго думая, Персиваль схватил тяжелую кружку и прицелился.

Осколки керамики брызнули во все стороны. Пивная кружка, пролетев через зал, звонко стукнула по голове одного из мерзавцев. Персиваль сам не ожидал, что попадет так удачно. Он никогда не считал себя особенно метким, обычно полагаясь на меч и копьё. Однако детские игры в лапту, видимо, не пропали даром. Враг мешком с компостом повалился на пол.

Воспользовавшись замешательством второго противника, рыцарь подскочил к нему и огрел стулом. Не ожидавший нападения, тот не успел защититься и упал рядом с первым.

Персиваль недоуменно смотрел на поверженных врагов, пытаясь собраться с мыслями. Что здесь сейчас произошло? Он повернулся к красивой блондинке, намереваясь задать этот вопрос ей. Но женщина не дала рыцарю такой возмож-

ности. Схватив Персиваля за рукав, она потащила его к выходу.

– Пойдите... – запинаясь, пробормотал рыцарь. – А как же ваш муж?

Ответом был испуганный взгляд синих глаз.

– У меня нет мужа. Бежим!

Глава II, в которой звучат голоса

Свежий морской ветер, залетавший сквозь открытое окно кареты, развеивал темные кудри маркиза. Погода стояла несколько более теплая, чем полагалось в середине весны, и от того Арбогаст, одетый в плотный камзол, вспотел. Он тревожился, не просквозило бы его, однако все же не закрывал окно, так как тогда в карете стало бы слишком душно.

Кони быстро несли экипаж. Промелькнуло здание ратуши с башней и фигурным фасадом, затем пестрые базарные ряды на маленькой площади. Карета свернула на широкую вымощенную булыжником улицу и направилась в противоположную от моря сторону. Колеса подпрыгивали на неровных камнях, отчего маркиза сильно трясло. Не обращая внимания на проплывавший мимо него городок, он напряженно размышлял.

Много лет жизнь Арбогаста была подчинена главной цели – подтверждению статуса, который он сам себе выдумал. Вся его биография, титул и даже имя были лишь красивой фантазией, в которую он довольно успешно заставлял верить других людей. Нельзя сказать, что сочиненная им легенда совсем не имела оснований. Арбогаст действительно был сыном маркиза. Только внебрачным. А потому лишился наследования и достойного места в обществе. Тем не менее кое-какое воспитание вместе с деньгами на приличную одежду

он получил. Хорошие манеры в сочетании с природной сообразительностью, смелость, а также некоторая толика везения помогли ему начать путь к успеху.

Флавий Арбогаст, такой псевдоним он взял себе в честь древнеримского полководца родом из варваров, избрал необычную стезю. Он стал авантюристом, шпионом и охотником за сокровищами. Очень скоро выяснилось, что к подобным делам у него есть талант. Услугами Арбогаста по сбору секретных сведений в разных частях Европы пользовались богатейшие купцы Флоренции и Генуи, графы и герцоги, и даже, как утверждали знающие люди, некоторые королевские дома.

Помимо шпионажа Арбогаст занимался поиском кладов. Скупая у старьевщиков старинные карты и зашифрованные манускрипты, он пытался найти сокровища, спрятанные столетия назад. Здесь достижения Арбогаста оказались скромнее, тем не менее, и в этом ему несколько раз улыбнулась удача.

С течением времени Арбогаст стал довольно богат и, уже не стесняясь, добавлял к имени титул, прав на который не имел. Самопровозглашенный маркиз вел роскошную жизнь, менял женщин, города и страны, впутывался в рискованные предприятия и повсюду искал случая приумножить свое состояние.

Около года назад он познакомился с одним человеком. Черноволосый и смуглый малый оказался бывшим слугой

некоего арагонского графа. О Флоресе Арбогаст никогда ранее не слыхал. Поэтому сначала он скептически отнесся к тому, что поведал про прежнего хозяина новый знакомый.

Оставшись без господина, скончавшегося от болезни, бывший слуга бедствовал и искал пропитания. За обед и кувшин вина он намекнул Арбогасту, что Флорес был наследником великой тайны. И тайна эта не умерла вместе с графом.

Когда Арбогаст пообещал принять его на службу, он рассказал все, что знал. К сожалению, знал он немного. Но даже этого маркизу хватило, чтобы понять: перед ним дело, которому не жалко посвятить целую жизнь.

Графу Флоресу следовало тщательней подбирать себе на службу людей. Его великий секрет оказался продан буквально за миску похлебки. «И как странно, – думал Арбогаст, – что за такие сведения приходится платить совершенно смешную цену».

Бывший слуга Флореса сообщил главное: после смерти графа единственным хранителем тайны остался его старинный друг Фердинанд Маркес – арагонский нотариус, много лет живущий в Померании.

Разыскать нотариуса для маркиза не составило труда. Однако Фердинанд ловко его облапошил. Когда Арбогаст со своими головорезами ворвался в дом старика, тот успел сделать последний вдох. И все – больше от него ничего узнаешь. Они обшарили кабинет, перерыли шкафы, но без толку.

Маркиз и сам не понимал, к чему этот обыск. Ведь тайна,

за которой он охотился, нематериальна. И теперь она была навсегда потеряна. С досады Арбогаст едва не вырывал собственные волосы. Но вдруг судьба вновь предоставила ему шанс.

В доме нотариуса обнаружилась перепуганная кухарка. Она ничего не знала о делах хозяина, но слышала, как Фердинанд передал горничной какое-то важное письмо. Маркиз мгновенно понял, что это может значить.

Легко было предположить, куда отправится девушка в небольшом городке. Вскоре экипаж Арбогаста остановился возле высокого трехэтажного здания, сложенного из ракушечника. Густые заросли плюща частично скрывали его за зеленой шубой.

Выбравшись из кареты, маркиз поднялся на крыльцо. Над головой стучала по стене раскачиваемая ветром вывеска. Полустертые буквы с трудом можно было прочитать. Лишь приглядевшись становилось понятно, что там написано: «Сытый баран».

Арбогаст осторожно приоткрыл дверь и заглянул внутрь. В нос ударили ароматы острого жаркого с луком и пива. Из помещения раздавался смех. Несколько мгновений маркиз рыскал взглядом по залу трактира, затем, удовлетворенно, кивнул и жестом подозвал подручных, ожидавших на облучке экипажа.

– Она там, – промолвил Арбогаст, указав на дверь, – по крайней мере, по описанию очень похожа.

– Прикажете привести? – рослый громила с жесткими как проволока волосами, нетерпеливо потирал руки. Кажется, парню искренне нравилась его работа.

– Да, но действуйте аккуратно, – строго предупредил маркиз. – Нам не нужны лишние разговоры в этом городе.

– Как быть, если за девушку кто-нибудь вступится? – уточнил второй из громил.

– В таком случае примените силу.

– А если она сама станет сопротивляться?

– Не нужно ее обижать, – подумав ответил Арбогаст. – Впрочем, если будет сильно упираться, можете и обидеть.

Посмотрев, как подчиненные, заходя в трактир, маркиз возвратился в карету. Ему ни к чему было лично участвовать в этом деле. Арбогаст расслабленно откинулся на подушки, уверенный в легком успехе. Да и что может пойти не так, когда противник – слабая женщина? Очень скоро письмо с тайной окажется у него в руках...

Внезапно послышавшиеся из трактира крики и грохот заставили маркиза понять, что события развиваются не по плану. Он успел лишь увидеть красивую девушку (горничную нотариуса) и какого-то молодого человека (кажется, рыцаря), выскочивших на улицу и побежавших прочь.

Рыцарь с девушкой так спешили, что, конечно, не слышали раздавшегося за спиной холодного, привыкшего приказывать голоса:

– Рыцарь с этой девкой, кто он?

В пухлую руку трактирщика упала золотая монета. И тут же другой голос, привыкший прислуживать, с готовностью отвечал:

– Персиваль, мой сеньор. Персиваль Вент из Мекленбурга.

Глава III, в которой девушка не остается в долгу

Незнакомка стремительно бежала по извилистой улице. Узкая, стиснутая с обеих сторон нависающими домами, та петляла, как козья тропа, но при этом была вымощена отличной брусчаткой, поэтому бежать по ней получалось легко. Впрочем, не так уж и легко. Персиваль, к собственному удивлению, с трудом поспевал за быстроногой спутницей, которая продолжала тащить его за собой. Несколько раз он споткнулся и чуть не упал. В конце-концов, рыцарю это надоело.

– Стойте! Куда мы бежим? Кто вы такая? Что происходит?! – он мог задать еще много вопросов.

Не останавливаясь, девушка быстро обернулась и растерянно взглянула на него.

– Не знаю... – в ее голосе звучал страх. – За нами не гонятся?

– Вроде бы нет, – Персиваль, наконец, высвободил свой рукав из ее цепких пальцев. – Давайте передохнем!

Убедившись, что погони не видно, блондинка замедлила шаг.

– И все-таки, кто вы? – рыцарь вынужден был повторить вопрос.

– Шарлотта, – ответила девушка, видимо решив, что может ему доверять. – Спасибо, что пришли мне на помощь. Понятия не имею, кто эти люди и чего они от меня хотели.

– Ну, об этом догадаться не трудно, – усмехнулся Персиваль, взглянув на ее декольте.

К его удивлению, Шарлотта при этом вскрикнула, словно ее ужалила змея. Побледнев, девушка в панике сунула под корсаж руку.

– Слава Богу! Цело! – с облегчением выдохнула она через несколько секунд.

Заметив недоумение на лице рыцаря, Шарлотта вытащила спрятанный на груди помятый конверт.

– От страха я совсем забыла о нем, – пояснила девушка. – И решила, что могла его потерять. Это письмо поручил мне отправить нотариус.

– Вы затем и пришли в трактир? – сообразил Персиваль.

– Да, чтобы найти мясника.

– Ну, конечно! – рассмеялся рыцарь, поняв теперь смысл разыгравшейся в обеденном зале сцены. – То-то я заметил у него на боку воловий рожок...

В те времена гильдии мясников существовали почти в каждом городе. Их представители регулярно отправлялись за сотни миль, чтобы купить у пастухов скот, а потом возвращались обратно, ведя стадо.

Путешествия эти были трудны и опасны. Приходилось ночевать под открытым небом, отбиваться от грабителей и

хищных зверей. Но наградой храбрецам служили высокие цены, которые не скупясь платили состоятельные любители грудинки и антрекота. Кроме того, существовал дополнительный способ подзаработать в странствиях.

Все горожане знали, куда отправляются мясники. И если в ту сторону нужно было передать письмо, люди обращались к ним. В пути мясники трубили в воловьи рога, оповещая народ о своем прибытии. Услугами «мясной почты» пользовались и бедные, и богатые: мастеровые, купцы, и даже городской магистрат. Исключение составляли лишь религиозные ордена – те для своей корреспонденции держали собственных курьеров.

– Как вы, наверное, видели, мне не удалось договориться с тем мясником, – продолжала Шарлотта. – Слишком много он выпил и потому плохо понимал, что от него хотят. Теперь придется искать кого-то другого для отправки письма.

– Не отчаивайтесь, – подбодрил ее рыцарь, – думаю, что это не проблема. В крайнем случае, к завтрашнему утру ваш пьяница протрезвеет.

– Да, – согласилась девушка, – но будет потеряно время. А нотариус просил меня отправить письмо как можно скорей.

– Вы уже второй раз упоминаете некоего нотариуса. Кем вы ему приходитеесь? – с интересом спросил Персиваль – Если это, конечно, не тайна.

– Я его горничная, – ответила Шарлотта и после паузы добавила. – И секретарь.

– Секретарь? Вы?!

– У меня очень хороший почерк.

Рыцарь опять взглянул на ее декольте и ничего не сказал.

В этот момент его посетила новая мысль.

– А не может быть так, что те двое охотились за вашим посланием? – предположил он.

Шарлотте эта версия показалась маловероятной.

– Вряд ли, – сказала она, – я отправляла множество писем и всегда обходилась без неприятностей.

– Все когда-то случается в первый раз, – глубокомысленно изрек рыцарь.

– О письме никто не мог знать, – покачала головой Шарлотта. – Хозяин написал его буквально на моих глазах и сразу же велел отправить.

– На это трудно что-нибудь возразить, – признал Персиваль.

– Однако вы правы, – неожиданно произнесла горничная, – странное совпадение. Следует немедленно рассказать обо всем господину Маркесу.

Она сделала шаг, чтобы уйти, но вдруг задержалась.

– Простите, а вы не проводите меня?

Рыцарь не ожидал такой просьбы.

– Здесь совсем недалеко, – проговорила Шарлотта. – Просто мне теперь будет очень страшно идти одной. Я понимаю, что уже доставила вам кучу хлопот. И вы не имеете никакого отношения к этой истории... Но, пожалуйста, проводите

меня.

Персиваль не мог отказать девушке в такой мелочи.

– Хорошо, – сказал он. – Пойдемте.

Они двинулись узкими переулками в сторону дома нотариуса. Со звонницы церкви Святой Магдалины доносился колокольный звон, разлетающийся по небу среди перистых облаков.

Улицы оказались неожиданно пустынно – только иногда из подворотен слышались приглушенные голоса да лаяли собаки. Персиваль не забывал о произошедшем в трактире и, на всякий случай, держался настороже. Он не мог отделаться от ощущения, что за ним и горничной наблюдают. Один раз рыцарю даже померещился звук шагов за спиной. Он мгновенно обернулся, но то лишь хлопали на окне ставни.

Пройдя несколько кварталов, Персиваль и Шарлотта добрались до особняка Маркеса.

– Не заперто... – растерянно проговорила девушка, толкнув распахнувшуюся дверь.

В душе рыцаря шевельнулась тревога.

– Я зайду с вами, – решил он.

Льющийся сквозь готические окна дневной свет наполнял прихожую. Мягкие блики играли на лакированном паркете, выстилавшем пол длинного коридора. В его глубине виднелась еще одна дверь.

Персиваль осторожно направился туда. Рыцарь чувствовал необъяснимый страх. Он вошел в комнату, готовый по-

лучить удар, отразить нападение. Однако ничего подобного не случилось.

Его взору предстал разоренный кабинет. Вещи были перевернуты и разбросаны. Сам нотариус сидел в кресле. Широкая серебряная борода покоилась на его груди. С первого взгляда Персиваль понял, что старик мертв. Рыцарь услышал, как тихо вскрикнула шедшая следом за ним Шарлотта.

– Здесь что-то случилось... – только и сказал он.

Персиваль еще раз обежал глазами комнату. На стенах было много гравюр и картин. Сильнее всего внимание привлекала одна из них, висевшая над столом. На ней среди идиллического пейзажа изображались несколько человек, занятых какой-то странной медицинской процедурой. Такого рыцарю раньше видеть не приходилось!

В углу стояла мраморная скульптура – бюст древнеримского императора Гонория. Персиваль вовсе не являлся таким уж хорошим знатоком античной истории и никогда бы не смог с одного взгляда отличить Гонория от Диоклетиана или Септимия Севера. Но в данном случае дело облегчалось тем, что бюст был подписан.

В шкафу, располагавшемся возле скульптуры, хранились книги. Рыцарь задержал взгляд на одной из них. Его привлекло название «Персиваль», выведенное золотыми буквами по алому корешку. «Надо же – мое имя», – подумал он и почувствовал, что хотел бы посмотреть книгу. В другой ситуации рыцарь, наверное, именно так бы и поступил.

Внезапно с улицы послышался топот копыт и лошадиное ржание. Бросившись к окну, Персиваль увидел, как к крыльцу особняка подкатила роскошная карета. Из нее вышли трое мужчин, голова одного из которых была перевязана грязной тряпкой. Рыцарь мгновенно узнал злоумышленников из трактира. Злодеи достали мечи и устремились в дом.

– Это за нами! – предупредил горничную Персиваль.

С ее помощью он успел подпереть дверь шкафом до того, как на нее посыпались удары.

«Трое против одного – без шансов», – размышлял Персиваль. Кроме того – он был безоружен, ведь его меч остался в гостинице. Рыцарь оглядывал комнату, пытаясь найти предмет, которым смог бы обороняться. Единственное, что приходило в голову – это запустить во врагов бюстом римского императора, как в трактире – кружкой. Одного из строя можно было бы вывести, но останется еще двое. Ища спасения, он с надеждой посмотрел на окно. Но черт, оно было закрыто решеткой!

Внезапно Шарлотта толкнула Персиваля в угол и дернула какой-то рычажок, спрятанный за занавеской. В стене открылся потайной ход, ведущий в сад. Дополнительного приглашения не требовалось. Рыцарь с горничной выскочили на улицу и побежали прочь.

Через пару минут шкаф с грохотом рухнул, и преследователи ворвались в комнату. До беглецов долетел надтресну-

тый злобой крик:

– От нас не скроешься! Мы найдем тебя, Персиваль!

«Меня?!» – ошалело подумал рыцарь.

Глава IV, в которой герои строят теории

– Простите, что втянула вас в неприятности! – на бегу проговорила Шарлотта. Кажется, она и вправду сожалела об этом.

Улица резко повернула вправо. Нырнув в узкий лаз между покосившимися домами, рыцарь с девушкой побежали мимо зацветающих палисадников, огороженных невысокими заборами. Персиваль чувствовал, как начинает колоть в правом боку. Слишком много на сегодня выдалось приключений. Силы Шарлотты тоже подходили к концу. Задышавшись, она стала сбавлять темп. За углом одноэтажного особняка беглецы спрятались, чтобы перевести дух.

– Теперь, надеюсь, вы не будете отрицать, что охота идет за вашим конвертом? – уточнил Персиваль, когда они немного пришли в себя.

– Похоже на то, – кивнула Шарлотта. – А теперь и за мной. Да и за вами тоже.

Она достала сложенный пергамент и недоверчиво оглядела его, словно пытаясь понять, как такой маленький предмет может быть причиной столь больших неприятностей.

– Вы знаете, что в нем? – спросил Персиваль.

– Нет.

– Давайте откроем.

– Ну, не здесь же, – заколебалась Шарлотта.

– Найдем укромное место, – предложил рыцарь.

– Вообще, есть одно такое...

Жестом пригласив Персиваля следовать за собой, девушка повела его по запущенным переулкам в сторону реки, делившей городок на две части. На противоположном берегу, прямо возле моста, каменным горбом перекинутого через журчащую воду, стоял маленький домик. Его стены, сложенные из серого булыжника, тонули в разросшихся лопухах. В них пролегла протоптанная к низкой двери тропинка. Рыцарь обратил внимание, что по странной прихоти владельцев, на крыше домика был не один, а целых два флюгера.

– Один – мой, а второй – его, – загадочно пояснила Шарлотта, заметив заинтересованный взгляд гостя.

Она постучала в дверь.

– Входите! Не заперто! – послышалось из глубины дома.

Вслед за девушкой Персиваль шагнул в тесную прихожую. Ему пришлось сильно наклониться, чтобы протиснуться через низенький вход. Из коридора они прошли в гостиную, служащую по совместительству столовой, а иногда, видимо, и спальней. Такой вывод рыцарь сделал потому, что на одной из лавок, стоящих у стены, лежали подушка и одеяло.

В центре комнаты стоял стол. Во главе его сидел молодой человек, одетый в просторную домашнюю тунику с синими заплатами. У него были веселые глаза цвета майской листвы,

слегка красный нос и пушистые рыжие усы.

– Наконец-то ты нашла себе друга, Шарлотта! – приветливо улыбнулся он, лишь только вошедшие переступили порог. – Давайте знакомиться!

Молодой человек выудил из-под стола большую бутылку вина и с гордостью водрузил ее перед собой.

– Сейчас принесу стаканы!

– Шарль, мы не за этим! – строго сказала Шарлотта, и повернувшись к Персивалю пояснила: – Это мой брат. Он – бывший трубадур из Прованса.

– Трубадуры бывшими не бывают! – серьезным тоном поправил молодой человек.

Его сестра деликатно не стала развивать тему. Как поэт, Шарль прошел несколько этапов творческого пути: на первом – просто писал стихи, на втором – пил и писал, на третьем же – просто пил.

– Шарль, есть дело, – промолвила девушка. – Надо поговорить серьезно.

Тот не спорил, но и бутылку не убирал. Персиваль и Шарлотта вкратце рассказали ему о произошедших событиях.

– Ну и ну... – присвистнул трубадур, выслушав их историю, – конверт надо вскрыть.

– Мы тоже так думаем.

С взволнованно бьющимися сердцами компания приступила к делу. Сломав сургучную печать, они развернули пергамент, ожидая найти там что-то ценное или важное. Каково

же было их удивление, когда внутри обнаружили лишь три нарисованные фигурки. Выполненные не очень тщательно, однако с вниманием к мельчайшим деталям. Видимо, художник получал удовольствие, когда работал над ними.

Первой фигурой, на которую обратил внимание Персиваль, был седовласый старик в синей тунике. Он располагался в правом углу пергамента. Стоя по колени в воде, старик забрасывал в озеро невод. Примечательным было то, что голову его венчала золотая корона.

Второй изображенный напротив выглядел очень молодо. Длинноволосый юноша, в украшенной самоцветами диадеме и пурпурной мантии, находился слева от короля-рыбака. «Отец и сын?» – подумал Персиваль. В одной руке юноша держал меч, а другой – кормил зерном петушка, нарисованного у его ног.

Однако самой загадочной фигурой являлась центральная. Толстый мужчина в белой рубаше и красных штанах многозначительно показывал на раскрытой ладони камень.

Все озадаченно уставились на пергамент.

– Смотрите, – заметил Шарль, – здесь еще небольшая приписка.

Внизу и вправду было начертано несколько слов.

– Дорогой друг! – прочитала Шарлотта – Мы с тобой давно знакомы, поэтому ты, без сомнения, разберешься в моем письме. По поручению твоего дяди, Фердинанд Маркес.

– Ничего не понимаю, – сказал Персиваль. – Это что за-

шифрованное послание? Тайнопись?

– Скорее – просто загадка, – пожала плечами Шарлотта.

– И что это значит? – растеряно проговорил рыцарь.

Шарлотта, подумав, высказала теорию, что три изображенные фигурки символизируют три сословия: рыбак символизирует духовенство, принц – дворянство, а простак – крестьянство. Таким образом полностью обрисовывается феодальное общество. Следовательно это социальный документ, политический.

– Только какой в этом смысл?

– Никакого! – решили все.

Шарль, чего только не наслушавшийся в Провансе и Аквитании, предположил, что на картинке изображены стихии, но почему-то лишь три: вода – рыбак, земля – простак, и то ли огонь, то ли воздух – принц. Таким образом это алхимический трактат. Возможно, рецепт философского камня. Знал он в Провансе одного алхимика, тот тоже предлагал сделать философский камень по особому рецепту. Сделали. Две недели пили...

Эту версию решили оставить без комментариев. Тем более, нотариус алхимией не занимался.

– Думаю, что рыбак в короне – это святой Петр, – проговорил Персиваль, когда очередь дошла до него. – Святое писание говорит, что до встречи с Иисусом он был рыбаком. А корона указывает, что Петр – основатель церкви.

– Стройная версия, – согласилась Шарлотта. – А юноша?

– Сначала я подумал, что это сын старика. Но если предположить, что рыбак все-таки Петр, то юноша, наверное, тоже кто-то из апостолов. Скорее всего – Иоанн...

– Возможно, – проговорила Шарлотта. – Но кто же тогда этот толстый смешной простак? Он точно не может быть апостолом. Да и одет, скорее, по нашей моде...

– Я тоже не могу понять, кто это, – признался Персиваль. – Но мне кажется, что простак – главная фигура, иначе он не был бы помещен в центр. Думаю, он – ключ к разгадке. Что если предположить, что камень в его руке – это прямое указание на Петра? Ведь имя Петр по-гречески означает камень.

– Я согласна с вами, – кивнула девушка.

– В таком случае, – подхватил Шарль, – становятся понятны и атрибуты принца. Мечом апостол Петр защищался в Гефсиманском саду, а потом трижды отрекся от Спасителя до того, как пропел петух.

– Все замечательно сходится! – обрадовалась Шарлотта.

– Однако, я думаю, что эта теория тоже ошибочна, – неожиданно пессимистически подытожил рыцарь.

– Почему это? – в один голос воскликнули брат с сестрой.

– Нотариус ведь не просто так рисовал картинки! – пояснил Персиваль, – Он явно хотел на что-то навести адресата послания. А на что может навести в данном случае апостол Петр?

Шарль о чем-то надолго задумался, потом все-таки взял стакан, налил из бутылки, выпил, налил еще.

– Ну, вообще-то, есть в городе монастырь Святого Петра, – наконец, проговорил он.

Глава V, в которой рыцарь с девушкой пробираются в монастырь

Слова Шарля полностью меняли дело. Раз в городке был монастырь Святого Петра, значит, очевидно, именно на него намекало зашифрованное послание.

– Нужно пробраться в монастырскую библиотеку, вдруг там обнаружатся еще какие-нибудь подсказки, – сказал Персиваль.

– А почему именно в библиотеку? – уточнила Шарлотта.

– Потому, что там средоточие всех знаний монастыря, – объяснил рыцарь, – как голова у человека. Если мы хотим разузнать что-то о Святом Петре или найти еще какие-то сведения, нам нужно попасть именно в библиотеку. Не на кухню же...

– И то верно, – согласился Шарль, – впрочем, я бы предпочел залезть в их винный погреб!

– Мы должны придумать, как проникнуть в обитель, – продолжал Персиваль. – Наверняка сделать это непросто.

– Трудно, – подтвердил трубадур, – доступ в библиотеку открыт только для послушников. Но, к счастью, я знаю скрытый лаз в монастырской ограде. Он используется некоторыми не слишком ревностными монахами, чтобы в тайне

от настоятеля отлучаться из монастыря.

– Откуда ты все знаешь? – удивилась Шарлотта.

– Я многое знаю, – с важным видом ответил Шарль и вдруг пьяно икнул.

– Когда мы предпримем вылазку? – Персиваль сразу взял быка за рога.

– Послезавтра я зван на пирушку, – подумав, проговорил трубадур, – завтра тоже занят. Остается – сегодня. Сегодня ночью.

– Ночью? – с сомнением переспросил рыцарь. Сердце у него упало.

– Да, а в чем дело?

Персиваль колебался: сказать или нет? Он немного стеснялся своей проблемы.

– Я не очень дружу с темнотой, – уклончиво ответил рыцарь.

– Почему? – спросила Шарлотта.

В ее голосе Персивалю послышался суеверный страх. Он решил сказать правду. В конце-концов, почему бы и не довериться новым друзьям. Хотя, конечно, к образу рыцаря такая беда не очень подходила.

– Ночью я плохо вижу, – признался Персиваль и почему-то виновато пожал плечами. – Врачи говорят: куриная слепота.

– Только-то? – улыбнулась Шарлотта. – Я буду вести вас за руку. Не переживайте.

При этих словах грудь девушки соблазнительно всколыхнулась, и рыцарь, действительно, стал волноваться гораздо меньше.

Примерно за три часа до полуночи друзья добрались до мощных стен монастыря Святого Петра. Он стоял на окраине городка. Спертый воздух узких переулков остался за спиной, и здесь, в предместьях, дышалось уже почти по-деревенски легко. Слабый ветерок доносил морскую свежесть и запах зацветающих лугов. В разрывах туч иногда сияла луна. Было довольно светло, но Персиваль все равно то и дело спотыкался.

За каменной оградой виднелись верхушки деревьев. В глубине сада находилось большое здание. В нем располагались кельи монахов, трапезная, библиотека и покои настоятеля. Дом был весь в тени, кроме одной стены с башней, залитой лунным светом. Под остроконечной крышей в ней поблескивало окно.

– Библиотека там, – сказал Шарль.

– На самом верху? – переспросил Персиваль.

– Ты что и высоты боишься? – усмехнулся трубадур.

– Нет. Только как мы туда попадем?

– Все очень просто, – объяснил Шарль, – под оградой обители выкопан лаз. На первом этаже башни находится кухня. Окно в ней никогда не заперто. Внутри расположена винтовая лестница, которая приведет к библиотеке.

– Действительно – просто, – согласился рыцарь. – А где

этот лаз?

– Да вот он! – Шарль раздвинул ветви густых кустов, росших у подножия стены, и показал Персивалю с Шарлоттой неприметный подкоп.

– Тут только собака пролезет! – запротестовала девушка.

– Он шире, чем кажется, – успокоил ее брат.

Посоветовавшись немного, решили, что нет смысла идти в монастырь всем. Трубадур должен был вернуться домой и там ожидать Персиваля с Шарлоттой.

Рыцарь и девушка нырнули в лаз. Он действительно оказался довольно просторным. Даже толстый монах Тук из сказаний о Робин Гуде, наверное, сумел бы протиснуться сквозь него.

Очувтившись во дворе монастыря, Персиваль и Шарлотта крадучись направились к главному зданию. Окно на первом этаже башни, как и обещал Шарль, было лишь притворено. Внутри располагалась монастырская кухня. В ней еще витали запахи недавно готовящейся еды. Кажется, сегодня братия ужинала печеной рыбой и тушеными овощами.

За кухней туго закрученной спиралью устремлялась вверх винтовая лестница. Подниматься по ней нужно было очень осторожно, чтобы чугунные ступени не загудели под ногами. Опираясь на полированные перила, плавно изгибавшиеся под рукой, рыцарь с девушкой добрались до последнего этажа башни. Там находилась двустворчатая тяжелая дверь, толкнув которую они оказались в библиотеке.

– Вот это да! – выдохнула Шарлотта, когда Персиваль зажег несколько свечей в канделябре у входа, и появилась возможность оглядеться. – Никогда не видела столько книг!

Если считать, что собрание фолиантов в кабинете Фердинанда Маркеса составляло букинистический город, то здесь расположилась целая страна! Какое-то время рыцарь с девушкой стояли молча, как замороженные рассматривая бесчисленное количество увесистых томов, заполняющих полки. Корешки кожаных переплетов были разных цветов: красные, зеленые, синие, пурпурные. Они напоминали не то яркую мозаику, не то ряды раскрашенных кирпичей. Шарлотта вышла на середину комнаты и, поворачиваясь на каблучках, водила взглядом по шкафам, словно пытаясь пересчитать книги.

– Пора приступать к тому, зачем мы сюда пришли, – напомнил Персиваль. – Ищите на букву «П» – «Петр», или «А» – «апостолы».

К счастью, книги были расставлены по алфавиту. Это облегчало задачу.

– «Анаксимен», «Аристотель», «Аристофан»... – начала бормотать Шарлотта, перебирая тома.

– «Пир», «Протогор», «Псаммит», «Персы»... – будто эхо отзывался от другого шкафа рыцарь.

Неожиданно ему вновь, как и в кабинете нотариуса, попался на глаза фолиант, обложку которого украшало название: «Персиваль». «Надо же, опять книга с моим именем», –

удивился рыцарь. Такое совпадение показалось ему интересным, и он взял книгу в руки. Над заглавием готическими буквами был указан автор – некий Кретъен из Труа. «Не знал о таком, – подумал Персиваль. – Кто это? Гальский философ?».

Внезапно размышления рыцаря прервал испуганный возглас Шарлотты.

– Слышите?!

Книга едва не выпала у Персиваля из рук. По винтовой лестнице кто-то поднимался. Из-за двери доносились звуки шагов, и они быстро становились ближе.

– Нас обнаружат! – в страхе воскликнула девушка.

Она заметалась по комнате, не зная, что делать, но рыцарь поймал ее за рукав и решительно потащил за собой. Возле одного из шкафов Персиваль заметил большой сундук. К счастью, он оказался не заперт и пуст.

– Залезайте в него! – скомандовал рыцарь.

– А вы? – испугалась Шарлотта.

– И я за вами.

Они едва успели спрятаться, когда дверь в библиотеку открылась. Рыцарь с девушкой незаметно приподняли крышку сундука и сквозь узкую щель стали наблюдать за происходящим. В комнату негромко переговариваясь вошла группа людей – человек семь-восемь. В длинных шелестящих одеяниях, освещенные лучами луны, проникающими сквозь окна, неизвестные напоминали призраков. «Наверное, мона-

хи, – мысленно предположил Персиваль, – но что им делать в библиотеке ночью?».

– Удостоверьтесь, что в помещении нет посторонних, – глухо сказал своим спутникам один из вошедших.

Те обошли комнату, заглянули в углы, под стол, однако на сундук, стоящий поодаль, внимания не обратили.

– Никого, господин.

– Хорошо. Зажигайте свечи.

Через мгновение огоньки, растапливая воск, заплясали над бронзовыми подсвечниками. При свете сразу стало понятно, что неизвестные – совсем не монахи. Их лица скрывали оранжевые шелковые маски, на поясе у каждого висел меч или длинный кинжал.

Незнакомцы расположились за длинным столом, во главе которого сел человек, облаченный в белую мантию. Именно он только что отдавал приказания остальным. Предводитель странной компании запустил руку в глубины своего одеяния и извлек оттуда шкатулку. Ее он поставил рядом с собой, не открывая. Остальные замерли в напряженном ожидании.

Человек в белом проговорил:

– Напоминаю, что наше собрание проходит в строжайшей тайне, и если кто-нибудь из не входящих в общество узнает о нем, то должен быть немедленно убит.

С этими словами он достал из шкатулки розу и положил ее в центр стола.

В глубине сундука Шарлотта сжала руку Персиваля, и тот

почувствовал, что она дрожит.

Глава VI, в которой маркиз ищет след

Упустив Персивалья в доме нотариуса, маркиз не соби-
рался сдаваться. Он сразу понял, что главный противник –
именно рыцарь, а девушка – не более, чем посыльная старого
арагонца. Кто такой этот Персиваль, как он связан с тайной
и главное: где его искать?

Посоветовавшись со своими подручными, маркиз решил
вновь отправиться в трактир, где остановился Персиваль.
Арбогаст предположил, что рыцарь, скорее всего, вернется
туда, по крайней мере, чтобы забрать вещи.

За прошедшие несколько часов обстановка в обеденном
зале не изменилась: люди все так же набивали животы.
Пожалуй, посетителей даже стало больше. Не привлекая
лишнего внимания, маркиз с помощниками расположились
за столом, откуда хорошо просматривался вход, и начали
ждать. Для вида они изредка мочили усы в принесенном слу-
жанками пиве, однако внутренне оставались сосредоточены
и ни на мгновение не отводили глаза от двери.

Внезапно с лестницы, ведущей на второй этаж, где распо-
лагались комнаты постояльцев, послышался грохот и звон.
Обернувшись на шум, Арбогаст увидел, как по деревянным
ступеням кубарем скатился веснушчатый мальчик с боль-

шим мешком. Следом за ним, топая ногами, мчался разъяренный трактирщик. У подножия лестницы он настиг беглеца и схватил его за ухо. Трактирщик начал что-то сурово говорить, мальчишка отнекивался, безуспешно пытаясь вырваться.

– Наверное, поймали вора, – равнодушно сказал один из подручных маркиза, заметив, что происшествие привлекло внимание хозяина.

– Похоже на то, – кивнул Арбогаст. – Хотя нет, подожди-ка...

В этот момент до маркиза долетели несколько заинтересовавших его слов, и он прислушался.

– Говорю вам, меня послал тот рыцарь, что недавно выбежал отсюда вместе с красивой девушкой! Он велел забрать вещи из его комнаты и отнести ему! Я ничего не крал! – выкрикнув это, мальчик вновь дернулся, да так, что чуть не остался без уха.

– Так я тебе и поверил! – бушевал трактирщик. – Знаю я вас попрошаек, бездельников! Ошиваетесь по округе и только ждете удобного случая чем-нибудь поживиться!

– Я не вру! – отчаянно визжал мальчик. – Вот ключ от комнаты рыцаря! Он сам мне его дал!

Мальчишка вытащил из кармана порченый ржавчиной ключ и махал им перед носом трактирщика. Несчастный надеялся, что такое доказательство избавит его от расправы, но тщетно. Хозяин трактира лишь больше рассвирепел.

– Еще и ключи ворует! Мерзавец!

Трактирщик замахнулся, собираясь заехать мальчику кулаком в глаз. Однако неожиданно его руку на лету остановила другая рука. Белая, мягкая, даже, как успел заметить трактирщик, холеная, но дьявольски сильная. «Вот что значит: стальной кулак в бархатной перчатке», – пронеслось в голове владельца трактира. И он невольно проникся уважением к обладателю этой подлинно рыцарской длани.

– Вы напрасно горячитесь, любезный, – услышал трактирщик, – мальчишка говорит правду. Я – свидетель. Рыцарь действительно дал ему ключ.

В свободную ладонь трактирщика за спиной щекочущим холодком привычно всунулась увесистая монетка. Даже на ощупь тот ощутил, что она золотая. Это мгновенно подействовало на него успокаивающе. Для закрепления эффекта маркиз хлопнул трактирщика между лопаток, и тот чуть не опрокинулся на толстое брюхо.

– Верьте людям, любезный! – сказал Арбогаст.

Ничего не понимающий мальчик испуганно смотрел на своего спасителя. Тот, улыбаясь, подмигнул ему.

– Беги, беги, дружок! – промолвил маркиз. – Я же сказал, что мы тебе верим. Да не забудь свой мешок!

И он вновь хлопнул трактирщика. Еще чуть сильнее.

Глава VII, в которой теория начинает играть новыми красками

Двоим в сундуке было тесно, даже не смотря на его большие размеры. Кудри Шарлотты щекотали нос Персиваля, и он изо всех сил сдерживался, чтобы не чихнуть. Рыцарь попытался отодвинуть лицо, однако из этого ничего не вышло – свободного места не было. Локтем он упирался во что-то мягкое, но не мог понять – во что именно. Ситуация получалась довольно неловкой – все же Персиваль и Шарлотта были едва знакомы. Впрочем, девушку сейчас явно волновало другое – она продолжала дрожать от страха. Рыцарь решил подбодрить ее.

– Не волнуйтесь, – прошептал он, – когда это странное собрание закончится, они уйдут, и мы тихонько выскользнем из монастыря.

Горничная ничего не ответила. В этот момент Персиваль впервые заметил, что Шарлотта едва уловимо пахнет лавандой. «Надо будет сделать ей комплимент», – подумал рыцарь. И тут же сам удивился подобной мысли, потому что она была совершенно несвоевременной.

Меж тем загадочные люди за столом обсуждали свои дела. Рыцарь с девушкой слышали только обрывки их разговора, которые удавалось разобрать, лишь когда кто-нибудь из засе-

давших неосмотрительно повышал голос. Судя по тому, что долетало до глубин сундука, вопросы на собрании поднимались самые невероятные: прошлое и будущее человечества, преобразование мира, управление историей и слияние государств! Складывалось впечатление, что расположившиеся в библиотеке несколько человек вершат судьбы целой планеты.

«Куда мы попали?» – растеряно размышлял Персиваль и не находил ответа. Что это: клуб сумасшедших? тайное общество? герметический орден?

Вдруг он почувствовал, что к их убежищу кто-то идет. «Мы себя выдали!» – с ужасом понял рыцарь.

Неизвестный приблизился к сундуку. Персиваль и Шарлотта замерли, стараясь даже не дышать. В наступившей тишине они слышали, как бьются сердца друг друга. Рыцарь с девушкой в страхе ждали, когда распахнется крышка. Но вместо этого что-то грузное вдруг опустилось на нее. Похоже, неизвестный встал на сундук, чтобы дотянуться до книг, стоящих на верхних полках.

Несколько минут кто-то топал по крышке сундука и копался, перебирая тома. Затем до Персиваля и Шарлотты донесся удовлетворенный возглас – видимо, неизвестный нашел, что искал, – после чего человек спрыгнул на пол и возвратился к столу.

– Пронесло! – беззвучно выдохнула девушка.

Рыцарь вытер со лба холодный пот.

Около полутора часов шло удивительное заседание. Наконец, обсуждения закончились. Шаркнули отодвигаемые стулья, запахло легким дымком от погашенных свечей, и незнакомцы растворились в ночи, словно и вправду были лишь призраками.

– Ну вот и все, – сказал Персиваль. – Можем выбираться!

Откинув крышку, он ловко выпрыгнул в опустевшую библиотеку. На первый взгляд, в комнате не осталось никаких следов странного совещания. Персиваль даже готов был подумать, что им с девушкой все привиделось – уж больно необычным казалось случившееся – однако на одном из стульев лежала забытая мантия предводителя тайного общества. «Значит, все-таки это был не сон», – понял рыцарь.

Он помог Шарлотте выбраться из сундука, и они вдвоем направились к выходу. После пережитого страха рыцарю с девушкой не терпелось скорее покинуть библиотеку. Ничего узнать здесь не удалось, но радовало хотя бы то, что они смогли избежать неприятностей.

Персиваль потянул дверь за бронзовую ручку, уже предвкушая, как через несколько мгновений окажется на свежем ночном ветерке. Однако, к удивлению рыцаря, та не открылась. Он попытался толкнуть дверь в другую сторону, но это вновь не дало результата.

– Мы заперты, – констатировал Персиваль.

– Может, вылезем через окно? – предложила Шарлотта.

Рыцарь покачал головой.

– Слишком высоко! Не выйдет.

– И что теперь делать?

Персиваль ненадолго задумался, потом, улыбнувшись, махнул рукой.

– Да, в сущности, ничего, – спокойно ответил он. – Подождем до рассвета. Утром кто-нибудь из монахов отопрет дверь, и мы выберемся отсюда.

– Но нас же схватят!

– Не схватят, – заверил рыцарь. – У меня есть план. А пока можно и отдохнуть. Вы, если хотите, ложитесь спать, а я читаю книгу.

Персиваль взял заинтересовавшую его книгу, зажег свечи поярче, и, расположившись в кресле, погрузился в чтение. Шарлотта хотела расспросить его про план, который он придумал, но увидев, что рыцарь не расположен к дальнейшей беседе, молча прилегла на сундук, положив под голову руку.

В мерцающем пламени свечей девушка видела, как рыцарь, щуя глаза, сосредоточенно читает страницу за страницей. Присмотревшись к готическим буквам на кожаном переплете, Шарлотта узнала имя автора и название книги: «Кретъен де Труа. Персиваль». «Что-то знакомое... что-то из детства...», – подумала Шарлотта и, сжав мешочек с лавандой, не заметила, как уснула.

Рыцарь, улыбнувшись, глянул на задремавшую девушку, снял нагар со свечей и снова уткнулся в книгу.

Медленно шли часы, непрочитанные страницы постепен-

но таяли. Небо на востоке стало робко светлеть. Где-то пропел петух, и на нижних этажах обитатели захлопали двери. Судя по всему, монахи собирались на утреннюю молитву.

Еще через полчаса оранжевое солнце показалось над горизонтом. Солнечные лучи проникли в библиотеку и разбудили Шарлотту. Открыв глаза, она увидела, что Персиваль как раз закончил читать роман.

– Я ознакомился с интересной книгой – проговорил рыцарь, – и кое-что понял. Король-рыбак – это не Святой Петр, Король-рыбак – это хранитель Грааля!

Глава VIII, в которой трактуются сны

Курфюрст Бранденбурга проснулся в своем походном шатре. Было раннее утро. Наглые лучи солнца проникли сквозь неплотно запахнутый полог на входе и через проеденные мышами дыры в стенах. Поток света озарил лицо Фридриха и жестоко ударил в глаза. «Проклятье!» – пробормотал курфюрст, тяжело разлепляя веки.

Фридрих Железный зуб плохо спал. Его мучили кошмары. Сны невыносимые, мрачные и тревожные, как макабрический танец, столь ненавидимый им, изводили курфюрста на протяжении ночи. Он не хотел подниматься с постели, не хотел ничего, был разбит и устал. Но долг требовал от него прожить еще один день, и прожить – в действии. Обреченно вздохнув, Фридрих позвал слугу.

Когда рослый смышленный парень, прислуживающий курфюрсту, вошел в шатер, Фридрих уже сидел на кровати, самостоятельно одевшись и натянув высокие сапоги. Смерив слугу темным взглядом, он потребовал принести ему яблоко.

– Да смотри, – строго сказал курфюрст, – хорошо его вымой. Только перед этим проверь, чтобы вода была чистой. Лишь бы какой не мой.

Через несколько минут слуга вернулся, неся на подно-

се помытое желтое яблоко. Фридрих внимательно осмотрел его, глубоко задумался, затем взял с тумбы кинжал и начал сам счищать кожуру. Почистив плод, он стал отрезать от него дольки и отправлять их в рот. Взгляд курфюрста при этом оставался застывшим и устремленным в неведомую даль.

По этим приметам слуга безошибочно понял, что у Фридриха начался очередной приступ черной меланхолии, которой несчастный страдал всю жизнь.

– Ваше высочество плохо спали? – подобострастно спросил слуга.

– Волки терзали на скотном дворе покойников, а птичка билась в клетке и хотела улететь... – не глядя на парня глухо ответил Фридрих. – Несчастливая...

Он подумал: почему десятилетиями вспоминает ее? Уже даже забыв, как она выглядела.

– Есть один чернокнижник, – понизив голос, произнес слуга, – он совершенно верно толкует сны.

– Этот сон я и сам растолкую, – отмахнулся Фридрих.

Он снова задумался. Казалось бы – чего проще. Ведь сразу понятно, что птичка – его невеста. Она скончалась незадолго до свадьбы, давным-давно в позабытой юности. Фридрих всегда подозревал, что бедняжка была отравлена. Но так ли это? Курфюрст не знал...

– Ваше высочество должны приободриться, – сказал слуга, – скоро Померания будет принадлежать Бранденбургу.

– И что с того?! – вдруг зло вскричал Фридрих.

Курфюрст вскочил. Взгляд его стал неожиданно ясен. Бедный парень не знал, что ответить хозяину.

– Приобретение новых владений должно порадовать ваше высочество.

– Приобретение новых владений! – горько передразнил его курфюрст и вдруг задал странный вопрос:

– Скажи, как ты считаешь, жизнь – это путь приобретений или путь потерь?

Слуга растерялся, но все же ответил:

– Я думаю, что и потерь, и приобретений. И у каждого они соединены в разном количестве.

Парень действительно был очень смышлен.

– Нет, – покачал головой Фридрих.

Он вдруг осел, обрушился.

– Жизнь – это путь потерь, – тихо проговорил курфюрст. – Только потерь. Потому что все, абсолютно все приобретения временны. А все, все без исключения потери окончательны.

Даже для такого умного слуги это было чересчур. Парень открыл рот и забыл его закрыть.

– Перевяжь, меч и берет! – сухо приказал Фридрих.

Он силой воли прервал мучительные размышления. Надо было приниматься за дела. Слуга почтительно подал господину изумительный клинок в отделанных серебром ножнах. Меч был до того красив, а защита руки на нем выполнена так изысканно, что курфюрст с сомнением отложил его.

– Дай что-нибудь скромнее.

Фридрих не хотел раздражать солдат. Он одобрительно кивнул, когда слуга протянул ему старый одноручный меч, который использовался для тренировок.

– Пойдет, – промолвил курфюрст и, надев малиновый берет, вышел из шатра.

Ах, как хорошо было на вольном воздухе! Фридрих глубоко вдохнул и оглядел окрестности. Весенний пейзаж, радующий яркой зеленью, уходя вдаль, приобретал оттенки бирюзового, голубого и серого. У линии горизонта он смешивался с нежной акварелью неба, украшенной легкой ватой облаков. «Вот бы и в душе было так», – подумал курфюрст.

Вокруг шатра Фридриха располагался военный лагерь. Покрытое свежей травой поле заполняли палатки, люди, телеги и лошади. В этот ранний час солдаты занимались обычными делами. Кто-то приводил в порядок оружие, кто-то счищал грязь с одежды, некоторые спали или сидели у котелков, где варилась похлебка. Курфюрст шел по лагерю, проверяя всем ли хватает каши, нет ли недужных, успевал оценить настроение бойцов и даже лично удостоверился, хорошо ли накормлены кони. Опытный полководец – Фридрих знал, что на войне не бывает мелочей. А потому внимательно вникал во все детали перед каждым сражением. В такие минуты душа его словно освобождалась от тисков.

Вот и сейчас кипучая деятельность смогла разогнать меланхолию – курфюрст заметно прибодрился. Он порозовел, а взгляд стал уверенным. Только сон про бедную птичку все

не шел у Фридриха из головы. Однако курфюрст начал считать его – добрым. Ему подумалось, что волки символизируют его солдат, а птичка – грифон с герба Померании, которую он завоеует.

Сегодня предстоял длинный марш. Фридрих скомандовал войскам выступать. Его окружили рыцари в стальных доспехах, в небо взвились знамена. И вдруг, взглянув на трепещущий штандарт с изображением бранденбургского орла, курфюрст понял, что птичка – он сам.

Глава IX, в которой монах вспоминает о курице

Когда после заутрени остальные братья отправились до-сыпать, отец Леопольд, по своему обыкновению, не стал ложиться. Библиотекарь монастыря Святого Петра был строг к себе и хорошо знал: тому, кто хочет вести правильную жизнь, надлежит вставать рано, пока другие еще спят.

Отец Леопольд возвратился в келью, аккуратно заправил жесткую постель, выпил холодной воды из жестяной кружки, и, опустившись на колени перед висящем на белой стене распятем, начал читать молитвы. Тихий шепот монаха соединялся с сухим постукиванием четок из слоновой кости – единственного предмета роскоши, который отец Леопольд себе позволял.

За окошком кельи понемногу светлело. Вскоре после того, как первые лучи солнца озарили мир, пожилой библиотекарь почувствовал усталость в согнутых ногах, однако, не обращая на это внимания, продолжил молиться. Нужно быть усердным, несмотря на трудности.

Лишь прочитав положенное количество молитв, отец Леопольд разрешил себе подняться с пола и направился в библиотеку. Утренние часы он особенно любил, так как мог в это время оставаться с книгами один на один. Потом, днем,

в библиотеку станут приходить братья, несмотря на строгий порядок, они все равно будут шуметь, отвлекать и не дадут сосредоточиться. В светлеющих сумерках отец Леопольд шел длинными коридорами монастыря, предвкушая встречу с книгой, оставленной со вчерашнего вечера, словно встречу со старым другом, разговор с которым был начат, но не окончен.

Винтовая лестница непросто далась пожилому монаху. С каждым годом она становилась для отца Леопольда все более тяжким испытанием. Библиотекарь с ужасом думал о дне, когда ему перестанет хватать сил, чтобы подниматься по ней. Что он тогда будет делать? Переедет в библиотеку жить? Или все-таки отдаст надзор за своими любимыми книгами кому-то другому? Второе казалось отцу Леопольду ужасным.

Наконец, он преодолел последнюю ступень. Отец Леопольд привычно толкнул тяжелую дверь библиотечного зала, однако она, внезапно, оказалась заперта.

– Надо же! – удивился монах.

Вообще-то, отец Леопольд никогда не замыкал библиотеку на ночь – в этом не было смысла: запрещенных книг в монастыре не хранилось, а все остальные монахи вполне могли получить и днем, причем совершенно свободно.

«Наверное, совсем стала подводить память, – подумал отец Леопольд. – Закрыв с вечера и сам не заметил. Старость...».

Библиотекарю пришлось вернуться в келью и достать из-

под подушки маленький ажурный ключ. Отец Леопольд редко брал его в руки и невольно остановился, любуясь тонкой работой, удивительной для столь простой, даже утилитарной вещи.

Вновь протянулся длинный коридор, затем – крутая лестница. Темнота еще не полностью рассеялась на востоке. Стояли тревожные предутренние часы.

Руки отца Леопольда по-стариковски немного дрожали, и он не сразу смог попасть ключом в замочную скважину. Наконец, ему это удалось. Механизм тихонько лязгнул, и монах открыл дверь в библиотеку.

Отец Леопольд привычным взглядом окинул свои владения. В просторную комнату через окна только-только начал проникать рассвет. Робкие солнечные лучи выхватывали из сумрака стоящие вдоль стен высокие стеллажи, уставленные книгами. В простенках между ними, напоминая перекинутые мосты, висели полки, также заполненные фолиантами. Посреди помещения, словно остров в море, располагался длинный стол, окруженный резными креслами. Прекрасный пейзаж! Все было в порядке, так как осталось с вечера.

Библиотекарь переступил порог, раздумывая за какое из дел, намеченных на сегодня, взяться вначале. Проверить списки полученных книг или пересчитать имеющиеся? Как вдруг, навстречу ему из темноты, собравшейся в углу за шкафами, выплыло неведомое чудовище. Клубящееся и зыбкое, оно двинулось к отцу Леопольду на ходу меняя очертания.

Подслеповатый монах не сразу поверил своим глазам. За долгую жизнь с таким он еще не сталкивался! Трепещущее бестелесной сутью привидение приближалось, наполняя сердце ужасом. Библиотекарь вскрикнул и отступил на шаг.

– Погибель тебе, что вкушал в пост скоромное! – страшным голосом завыл дух.

Отец Леопольд побледнел. Ему сразу вспомнился кусочек курицы, съеденный несколько лет назад то ли в среду, то ли в пятницу. То, что привидение знало об этом, окончательно убедило монаха в его реальности. Он завопил и бросился бежать.

– Скорее! – сказал Шарлотте Персиваль. – Пока он не разбудил всех в монастыре, надо успеть ускользнуть!

Рыцарь скинул с головы накидку и, увлекая за собой девушку, которая с трудом сдерживалась, чтобы не рассмеяться, бросился к лестнице. Топот библиотекаря долетал уже с первого этажа. Нужно было торопиться: пока монахи проснутся, пока поймут в чем дело и поднимутся в библиотеку, пройдет некоторое время, но вряд ли долгое. К тому моменту Персивалю и Шарлотте нужно было оказаться как можно дальше от монастыря.

Рыцарю с девушкой повезло, что предводитель тайного общества забыл на стуле свою мантию. Из нее получилось прекрасное одеяние призрака. Персивалю было немного совестно, что они так поступили с монахом, но другого выхода не оставалось.

– Вы попали в точку, назвав его грех, – проговорила Шарлотта, когда они уже бежали по саду к стене обители.

– Это было нетрудно, – ответил Персиваль.

Рыцарь правильно рассчитал. Если бы он назвал какую-нибудь другую провинность, то мог бы и промахнуться (а в случае с честным отцом Леопольдом промахнулся бы совершенно точно). Однако Персиваль хорошо знал, что хоть раз в жизни пост нарушает практически каждый.

– Жаль, что пришлось напугать этого бедолагу, – промолвил рыцарь. – Кажется, он очень милый старик!

– И вправду жаль, – согласилась Шарлотта. – Но было весело!

Проскользнув через потайной лаз, рыцарь и горничная выскочили на дорогу и побежали в сторону города, над башнями и шпилями которого разгорался алый и золотой пожар наступающего дня. Через час с небольшим они добрались до реки, на пологих берегах которой еще отдыхали сумерки, и громко забарабанили в дверь домика под двумя флюгерами.

Глава X, в которой обсуждаются тайные общества

Стучать, однако, оказалось излишним. Дверь домика была не заперта. Внутри взору вошедших предстала идиллическая картина: уронив голову на руки, Шарль безмятежно спал за столом. Пустая бутылка из-под вина стояла у его ног. Видимо, трубадур так устал ждать возвращения Персиваля с Шарлоттой, что задремал сидя.

Разбудить его было трудной задачей. Когда трубадура все же удалось привести в чувство, он долго не мог понять, почему сидит за столом, а не находится в своей постели. И даже поначалу расстроился, что от противоестественного положения во время сна у него теперь неправильно перемешается желчь с лимфой, и вообще будет затекать шея. Однако Шарль быстро утешился, сообразив, что в его местонахождении есть и плюсы, так как прямо перед ним начала появляться еда – Шарлотта занялась завтраком.

Один за другим на столе возникали чудесные результаты кулинарной алхимии – прелестная ветчина, свежая зелень, душистый хлеб, и, наконец, главное блюдо – пышный фирменный Шарлоттин омлет, секрет приготовления которого был таинственнее и важнее, чем рецепт философского камня.

Шарль уплетал яства за обе щеки. Персиваль, присев сбоку, тоже начал есть. Завтрак так увлек трубадура, что он даже не думал поинтересоваться результатами вылазки в монастырь Святого Петра. Казалось, Шарль просто забыл об этом. Только наполовину утолив голод, он все же завел разговор о событиях минувшей ночи.

– Ну и как вам понравился монастырь? – спросил трубадур.

– О! – отозвалась Шарлотта. – Библиотека произвела на меня сильное впечатление. Я никогда не видела так много книг. Сколько мудрости там собрано!

– Да, – скептически хмыкнул Шарль, – глупости – тоже немало.

Персиваль принялся рассказывать о странном собрании, свидетелями которого они стали. Рыцарь начал описывать предводителя секретного ордена, но вдруг Шарль, прожевав ветчину, сказал:

– Дай, угадаю. Мужик в простыне?

Персиваль остолбенел.

– Откуда ты знаешь? Это ведь страшная тайна!

Шарль подмигнул.

– Вот и делай выводы насколько страшна эта тайна, если о ней давно знает пьяный трубадур.

– Но ведь они говорили...

– В том то и дело, – Шарль махнул рукой, – они только говорят. А в действительности знают и могут не больше любого скромного горожанина. Так что это, по большей части, лишь маскарад, для развлечения самих себя.

– То есть нет на свете никаких могущественных тайных обществ? – спросил рыцарь, даже с некоторым разочарованием.

– Ну почему же? – задумчиво ответил Шарль. – Общества, наверное, есть, а вот с тайнами и могуществом – проблемы.

Глава XI, в которой маркиз продолжает идти по следу

Дав мальчишке покинуть трактир и убежать на некоторое расстояние, маркиз жестом приказал подручным следовать за собой и устремился в погоню. Узкие улочки городка петляли перед глазами. Стук собственных сапог отдавался в ушах.

План маркиза был прост: Персиваль отправил мальчика забрать из гостиницы свои вещи, следовательно, тот должен будет передать их ему. Таким образом, следуя за посыльным, они найдут рыцаря. Нужно было: во-первых – не потерять мальчишку из виду, а во-вторых – не дать ему заметить, что они следят за ним. Казалось бы – ничего сложного. Однако с первой задачей почти сразу же возникла проблема.

Обшарпанная улочка внезапно разделилась на две. Арбогаст на бегу чуть не влетел лбом в угол дома, рассекающего мостовую, словно волнорез – воду. Какой дорогой дальше побежал мальчик, было решительно непонятно. Эта вынужденная остановка заставила маркиза поменять тактику. Подумав минуту, Арбогаст решил отправить одного из своих подчиненных в левый переулок, а сам с другим отправился в правый. Встретиться они условились на базаре.

Извилистый рукав городского лабиринта все не кончался.

Мальчишки нигде не было видно. Маркиз понемногу приходил в ярость, уже считая, что они потеряли след. Слабая надежда оставалась только на то, что мальчик побежал другой дорогой, и направленный туда сообщник Арбогаста сумеет его поймать.

Неожиданно впереди послышалась ругань. Сначала маркизу показалось, что ссорятся две женщины.

– Точно, сеньор, похоже бабы собачатся! – радостно подтвердил не обремененный излишними манерами подчиненный маркиза.

Арбогаст поморщился, в очередной раз подумав, как он терпит возле себя такой скот? Затем, прислушавшись, маркиз понял, что один из голосов – детский.

– Это – мальчишка! – воскликнул он. – Скорее!

Они побежали по переулку, сопровождаемые лаем бродячих собак. Одна из них даже попыталась укусить маркиза, но получила пинка и отскочила, скуля. Вскоре Арбогаст увидел впереди мальчика.

Тот ссорился с кухаркой, высунувшейся из окна второго этажа, довольно опрятного фахверкового дома. Темные балки соединялись широкими симметричными клетками, отчего стены здания выглядели словно поле, расчерченное для какой-то игры. Мокрая одежда мальчишки и пустой таз в руках женщины позволяли предположить, что здесь произошло.

Видимо, мальчик проходил под окнами дома, когда кухар-

ка не глядя (а может, из желания сыграть с прохожим жестокую шутку) вылила на улицу воду после стирки белья. Мальчишка, весь в мыльной пене, ругал ее самыми отборными словами, однако кухарка знала их не меньше, чем он. Поняв, что проигрывает словесную дуэль, мальчик пообещал запустить в окно камнем, а женщина в ответ пригрозила, что обольет его кипятком.

Неизвестно, чем кончилось бы дело, но неожиданно мальчишка заметил маркиза. Внутренний голос подсказал ему, что лучше убираться и побыстрее. Мальчик торопливо схватил зазвеневший мешок и поспешил прочь. Арбогаст с подручным устремились за беглецом и ближе к концу квартала непременно настигли бы его. Однако внезапно сзади раздался голос:

– Эй, вы! Да, да, вы двое! Что вам надо от мальчишки?

Еще не успев обернуться, маркиз услышал зловещий шелест вытаскиваемого из ножен оружия.

Глава XII, в которой по- новому трактуются старые идеи и рассматривается сущность времени

Омлет был доеден. Завтрак подходил к концу. Махнув рукой, словно давая этим понять, что о тайных обществах говорить дальше нет смысла, Шарль перевел разговор к ключевому вопросу.

– Вам удалось найти какие-нибудь сведения в монастырской библиотеке? – спросил он и по привычке потянулся к стоящей на полу бутылке, однако та оказалась пуста.

– Кое-что мы действительно смогли разузнать, – ответил Персиваль. – Или, точнее, предположить...

Рыцарь коротко изложил свою новую теорию о том, что старик в короне, ловящий рыбу, это Король-рыбак – хранитель Грааля.

– Очень логично! – воскликнул Шарль, хлопнув себя по лбу. – Как я сам не догадался! Я ведь столько легенд слышал в Провансе. В том числе, и о нем.

– А что рассказывают в Провансе? – заинтересовался Персиваль.

Трубадур внезапно поднялся со стула. Заложив за спину

руки, он принялся шагать по комнате из угла в угол. В маленькой столовой получалось сделать всего шага три, и выглядело это комично. Однако выражение лица Шарля оставалось предельно серьезным.

– Есть много преданий... – наконец, проговорил он, – если их обобщить, то суть такова...

И Шарль пустился в длинный запутанный рассказ:

– Король-рыбак, – говорил трубадур, – упоминается в мифах о рыцарях Круглого Стола. Один из них, по имени Персиваль, был воспитан матерью в глухом лесу. Ее муж и старшие сыновья приняли смерть кто на турнирах, кто – в битвах, и потому женщина хотела уберечь единственного оставшегося ребенка от воинского пути. Однако ей это не удалось.

На прогулке мальчик случайно увидел рыцаря. У него были сверкающие в лучах солнца доспехи, шлем, украшенный плюмажем, и щит с ярким гербом. Что еще нужно, чтоб потрясти воображение подростка? Придя домой, Персиваль сообщил матери, что хочет стать рыцарем. Несчастной женщине не оставалось ничего иного, как отпустить сына в легендарный Камелот.

По пути туда юноша попал в Озерную Страну, которой правил увечный король. Персиваль встретил его, когда тот рыбачил возле своего замка. Это было единственное доступное королю занятие, потому что он был тяжело ранен и умирал. И вместе с ним умирала вся его некогда процветающая страна, постепенно превращаясь в Пустынный Край.

Король-рыбак предложил Персивалю остановиться на ночлег в его замке. И там юноша стал свидетелем таинственной мистерии. Ночью он увидел лежащего в главном зале больного Короля-рыбака, мимо которого торжественно одетые пажи и благородные девушки проносили бесценные реликвии: сначала – копье, с острия которого сочилась алая кровь, затем сияющий сосуд – Грааль, и, наконец, серебряную тарелку.

Персиваль не решился спросить, что это значит. И лишь впоследствии узнал, что если бы он задал вопрос, владелец замка мгновенно избавился бы от хвори, а в стране наступило бы благоденствие.

Закончив историю, трубадур замолчал.

– Примерно совпадает с тем, что я прочитал в книжке, – подытожил Персиваль, – только там все было описано гораздо красочнее.

– Кретъен де Труа был великим поэтом, – заметил Шарль.

– Думаю, мы угадали верно, – продолжил рыцарь, – на пергаменте нарисован Король-рыбак.

– Но кроме старика, там есть еще две фигурки, – напомнила Шарлотта. – Каково будет мнение на их счет?

– Скорее всего, – проговорил Персиваль, – раз рыбак – не Святой Петр, то и юноша – не апостол Иоан.

– Видимо, так, – согласился Шарль.

Они вновь достали пергамент и склонились над ним.

– В каждом персонаже зашифрованы подсказки, – раз-

мышлял Персиваль, – у старика это корона и невод, указывающие, что перед нами – Король-Рыбак. Давайте хорошенько подумаем над атрибутами юноши.

– Я обращаю внимание на диадему и петушка, – сказала Шарлотта.

– Чисто женское наблюдение, – съехидничал ее брат. – Ювелирное украшение и зверушка...

– Это птица! – уточнила девушка, немного смутившись. – А ты какую деталь рисунка считаешь самой важной?

– Я выбираю меч! – гордо ответил Шарль.

– Очень по-мужски, – усмехнулась Шарлотта.

– Главное – что это нам дает? – не слушая их, пытался сделать выводы Персиваль. – Меч, диадема, петух? Первые два предмета могут указывать на королевский статус юноши, но при чем там птица? Бессмысленный набор...

– Ладно, – проговорил Шарль, – оставим пока принца, перейдем к простаку.

Они внимательно оглядели забавного толстяка.

– Где-то он мне уже встречался... – задумчиво произнес рыцарь.

– Может, красные штаны что-то значат? – робко предположила Шарлотта.

– А может, камень, который он держит в руке? – сказал Шарль.

– Погоди, как ты сказал? – внезапно воскликнул Персиваль.

– Я сказал: он держит камень.

– А до этого?

– До этого я сказал... – начал вспоминать Шарль.

– Да нет же! – перебил Персиваль – Что ты сказал про принца?

– Сказал, что выбираю меч...

– Вот и разгадка! – вскричал рыцарь.

– Что? – не поняла Шарлотта.

– Меч в камне!

– Это – король Артур! – ошарашено проговорил Шарль.

– Можете объяснить? – попросила Шарлотта, которая в этот раз не смогла уследить за ходом мысли мужчин.

– На самом деле все просто, – сказал Персиваль, – меч в руках юноши и камень в руках простака – это звенья одной цепи. В них зашифрован образ: «меч в камне». По легенде молодой Артур сумел вытащить воткнутый в камень клинок, достать который мог только истинный король, и таким образом подтвердил свое право на трон.

– Я вспомнила эту историю, – улыбнулась Шарлотта. – Я часто слышала ее в детстве, когда одно лето мы жили в Бретани у бабушки. Ты помнишь то лето Шарль? Это было прекрасное время!

– Конечно, – кивнул трубадур. – Как можно забыть? В биографиях известных людей пишут в основном о событиях взрослой жизни, о том, какие должности занимал человек или в каких войнах участвовал, будто это было самое

важное. Но самые важные события случаются с человеком в детстве.

– Ты прав, – согласилась Шарлотта. – И заметь, по ощущениям детство кажется гораздо длиннее, чем вся последующая жизнь.

– Ну, это понятно, – вмешался Персиваль. – В детстве ты растешь, развиваешься, следовательно, идешь вверх, и время с тобой течет медленно. А в старости разрушаешься, каешься под гору, вот и время мчится все быстрее и быстрее. Подъем всегда кажется длиннее спуска.

– Интересное наблюдение, – проговорила Шарлотта. – Впрочем, мы отвлеклись от темы.

Она опять взяла в руки пергамент.

– Если юноша – это король Артур, то что тогда означает петух?

– Думаю, у меня есть версия на этот счет, – сказал Шарль. – По латыни галы и петухи обозначаются одним и тем же словом «gali». А цикл сказаний о короле Артуре изначально гальский.

– Блестяще! – Шарлотта даже захлопала в ладоши. – А какая же общая разгадка всего рисунка?

Персиваль выступил вперед.

– Как известно, – проговорил он, – одним из центральных элементов артуровских мифов является поиск Священной Чаши. Таким образом, пергамент, вероятно является ключом к местонахождению Святого Грааля.

– Очень сомневаюсь! – неожиданно возразил Шарль.

– Почему это? – недоуменно спросил Персиваль.

– Потому, – задумчиво начал трубадур, – что я много странствовал и много думал тогда... В Провансе я размышлял о древних легендах и тому, чему мы можем научиться из них. Так вот, Грааль, он не то, чтобы сказка, а...

– Я знаю! – воскликнула Шарлотта. – Я читала об этом...

– Нет, – оборвал ее брат. – Догадываюсь, что ты читала. Это все – фантазии, вымыслы, только и всего. Действительная же правда состоит в том, что Грааль не то, чтобы сказка, но и не материальный предмет.

– Так что же это? – Персивалю не терпелось узнать.

– Грааль – это символ.

– Символ? – в один голос повторили Шарлотта и Персиваль.

Шарль кивнул.

– Символ чего?

– Грааль ведь чаша, а чаша – это сосуд... Слышали выражение: сосуд души?

– То есть Грааль – это символ души?

– Да. Но самое главное – безгрешной души. История о Граале – это история о грехопадении и попытке вернуться в состояние до него. Поэтому Священной Чаше всегда суждено быть утраченной, предназначено быть разыскиваемой и определено оставаться потерянной. Но в то же время существовать в сознании людей как идеал, к которому нужно

стремиться.

– Что же это может значить применительно к нашему пергаменту? – растерянно спросила Шарлотта.

– Не знаю, – честно признался Шарль.

– Будем считать, что рисунок указывает местонахождение Святого Грааля... – решил Персиваль.

Глава XIII, в которой встречаются речь живая и книжная

Из дверей дома, расположенного напротив окна, в котором все еще бранилась кухарка, вышли трое мужчин. Они были одеты не как благородные господа, а как люди из самого простого народа. Уже по этой детали маркиз догадался, что встреча будет не из приятных. Незнакомцы наполовину вытащили из ножен широкие фальшионы, демонстрируя серьезность намерений, и направились к Арбогасту. Их ноги, обутые в тяжелые башмаки, угрожающе топали по брусчатке. Почуввав недоброе, кухарка тотчас ретировалась в жилище.

– Что вам нужно от мальчишки? – грубо повторил один из этих типов.

На самом деле он спрашивал немного иначе, в соответствии со славными филологическими традициями своего доброго городка, но маркиз, знающий местное наречие все же не в совершенстве, уловил только общий смысл, не сумев проникнуть в замысловатую игру слов.

– А ваше какое дело? – возмущенно отреагировал Арбогаст.

Ответ прозвучал блекло. Маркиз оказался не в силах выдать действительно доходчивую словесную конструкцию. Это сразу сделало его переговорную позицию проигрышной.

– Еще вопросы задавать будешь?

Верзила опять высказался не совсем так. Маркиз чувствовал, что услышанное им является чем-то невероятным, почти как сонет Петрарки, только наоборот. Очень сложная фонетика и насыщенная экспрессия! Он непременно бы восхитился ими, но при других обстоятельствах.

– Проваливайте! – хотел сказать Арбогаст, однако из-за незнания нюансов чужого языка, выдал лишь безобидное: – Уходите!

К сожалению, эта фраза не убедила верзил. Сплюнув и закатав рукава, они полностью вынули фальшионы. Маркиз осознал, что драки не избежать. Отточенным, красивым, почти театральным движением он тоже вытащил меч. Примеру хозяина последовал помощник. Через мгновение острая сталь зазвенела, ударяясь о сталь.

Мальчишка схватил мешок и бросился наутек. Сражающиеся были сейчас слишком заняты, чтобы обратить на него внимание. И он, никем не преследуемый, удирал по переулку, сверкая пятками.

Подручный маркиза бился с рыжим здоровяком, тогда как сам Арбогаст очутился лицом к лицу сразу с двумя противниками. Шрамы, покрывавшие их физиономии, свидетельствовали о большом опыте в поединках.

Сердце маркиза колотилось столь сильно, что готово было выпрыгнуть из груди. Он дрался, как лев, уворачиваясь, делая финты и на ходу изменяя тактику. Арбогаст был масте-

ром клинка. Тем не менее он с величайшим трудом оборонялся против двоих врагов, которые яростно нападали одновременно с разных сторон, ловко отбивая все атаки маркиза.

Разъяренный тем, что не может справиться хотя бы с одним противником, Арбогаст разгорячился и начал вести рискованную игру. Притворно открывая защиту, маркиз пытался спровоцировать врагов на ошибку. Один из них, кажется, купился. Решив закончить схватку смертельным ударом, он сделал резкий выпад. Но Арбогаст ловко отпрыгнул в сторону, и, в то время как противник провалился вперед, насквозь пронзил его мечом.

Избавившись от одной из проблем, маркиз быстро оглядел поле битвы.

Его сообщник, раненный противником, с каждым мгновением все больше слабел. Он пытался от врага и, наконец, упав, затих бездыханный.

Маркизу снова пришлось защищаться от двоих нападавших. Только теперь это получалось хуже – силы быстро покидали его. Уходя от атаки, он шагнул назад и вдруг уперся в стену.

Враги, сообразившие, что загнали жертву в угол, навалились на Арбогаста с остервенением. Град ударов посыпался на него. Маркиз с трудом отбивался, с невероятной скоростью размахивая мечом. Однако усталость сказывалась, и вскоре он все-таки пропустил вражеский клинок.

Арбогаст почувствовал, как теплая струйка крови побе-

жала по коже под дорогим камзолом. В страхе перед неизбежным концом, маркиз сильнее вжался в стену. Внезапно что-то разверзлось за ним. Земля ушла из-под ног. Он понял, что летит в бездну...

Глава XIV, в которой трубадур обретает рыцарские доспехи

– Считать-то мы можем, только что из того? – скептически проговорил Шарль, вновь разглядывая пергамент. – Возможно, на рисунке действительно изображено местонахождение святого Грааля, однако где найти ключ к этому тайнику?

– Ключом является Простак! – убежденно воскликнул Персиваль. В нем заговорило вдохновение интуиции. – Недаром ведь есть поговорка, что истина в простоте!

– Я это про вино слышал... – пробормотал трубадур, но спорить не стал.

– Вопрос в другом, – вмешалась Шарлотта, – если разгадка секрета зашифрована в толстяке, то как до нее добраться?

– Да, как повернуть эту шестеренку? – поддержал сестру Шарль.

Оба посмотрели на Персиваля.

– У меня нет ответа, – честно признался рыцарь, – по крайней мере сейчас. Но если порассуждать, то кое-какие мысли в голову приходят.

– Это уже интереснее, – улыбнулась Шарлотта. – Какие же?

– Смотрите, – начал объяснять Персиваль, – все на этом рисунке – символы, метафоры и подсказки. Какие-то более

сложные, какие-то более простые. Скорее всего, фигурка простеца говорит о том, что ничего дополнительно усложнять не надо и потому трактовать его образ следует буквально. Думаю, что простак символизирует простолюдина.

Шарлотта озадаченно подняла брови (довольно изящные, надо заметить).

– И как это нам поможет?

– Еще не знаю, – проговорил рыцарь, – но мне кажется, что для того, чтобы понять этот ключ, нужно отправиться в простонародное место. Например, на базар.

– Почему бы и нет? – задумчиво кивнул Шарль. – В конце концов, навела же вас на путеводную нить библиотека монастыря Святого Петра. Вдруг и с рынком также получится... Попытка не пытка. Что ж, отправляйтесь туда, а мне пора в школу.

– В школу?! – удивился Персиваль. Он подумал, что, возможно, ослышался.

– Ну да, – подтвердил Шарль. – Я ведь подрабатываю учителем.

Это был неожиданный поворот. Конечно, не для Шарлотты – она-то знала, чем занимается брат. Трубадур взял полированную ясеневою трость и направился к выходу. На пороге он вдруг остановился и, не оборачиваясь, сказал:

– Что-то в нашей версии есть неправильное. Что-то, а возможно, и все...

Не дожидаясь ответа от рыцаря и сестры, Шарль вышел из

дома. До школы было несколько кварталов и очень хорошо, что утро выдалось погожее. Над головой трубадура раскинулось высокое нежного цвета небо. Весеннее солнце озаряло робкими лучами кудрявые облака. «Будто бараны пасутся на лугу среди незабудок и васильков...», – подумал Шарль, взглянув наверх.

Мрачное здание школы составляло разительный контраст с весенним небосклоном. Трубадур видел его много раз, но вновь не смог удержаться от улыбки, подумав, что такой угрюмый фасад идеально подходит к месту, которое большая часть учеников воспринимала как тюрьму. И вправду, лишенный каких-либо самых простых украшений, неприятный, строгий и холодный дом, сложенный из сероватого камня, смотрелся отталкивающе.

«Наверное, таким и должно быть учебное заведение, – подумал Шарль, – ведь ученье – мука». Впрочем, когда он сам был школяром, то воспринимал свою школу иначе. Она ему нравилась. С замкнутым с четырех сторон внутренним двориком, стоящая на краю леса, та школа напоминала рыцарский замок. Маленький Шарль любил подняться на верхний этаж и смотреть за горизонт над кронами деревьев, фантазируя о героических странствиях. Наверное, тогда в его душу и проникла поэзия. Как это все было теперь далеко...

Трубадур толкнул тяжелые скрипучие двери и вошел в сумрачный коридор. В школе Шарль замечал заболевшего учителя, но тот, говорили, был настолько плох, что скорее

всего, место останется за ним постоянно. Шарль преподавал риторику. Несмотря на скучную дисциплину, ученики (редкое дело!) обожали его уроки. Знающий жизнь трубадур, дравшийся в поединках, лазивший в окна тулузских дам, в глазах мальчишек выгодно отличался от прочих учителей – скучных книжников.

Зайдя в класс, Шарль открыл окно, потому что любил свежий воздух. Кроме того, он заботился о том, чтобы винные пары, бывшие с ним после ночных возлияний, поскорее выветрились и не отвлекали учеников от получения знаний.

Увидев преподавателя, мальчишки, до этого шумевшие, разом притихли и постарались изобразить благонравие и сосредоточенность. Конечно, это была лишь видимость, но Шарль оценил, насколько прилежно они пытались ее создать.

Написав мелом на доске тему, Шарль привычно облокотился о кафедру и уже приготовился говорить, однако внезапно сидящий с краю сонный толстенький мальчик с белыми волосами, напоминающий пудинг, присыпанный сахаром, равнодушно сказал:

– У нас в классе колдун. Он всех проклянёт.

– Что? – опешил Шарль.

Мальчик-пудинг, так же равнодушно посапывая, показал пальцем на другого мальчика – голубоглазого, рыжего и веснушчатого, с двумя торчащими передними зубами, как у бельчонка.

– Он прячет под лавкой мешок. В мешке – черный петух.
В черном петухе – жаба.

– Что за ерунду ты говоришь?! – возмутился Шарль.

– Не ерунду! – упрямо и так же равнодушно проговорил белобрысый мальчик. – Он сам мне рассказал, когда я спросил, что он прячет в мешке. Нужно сообщить куда следует. Он затеял злодейство.

– Я просто хотел, чтобы ты отвязался! – крикнул рыжий мальчик. – Нет там никаких жаб!

– Но мешок-то есть, – рассудительно сказал белобрысый. – Теперь не отвертись.

– И что же ты хочешь отдать товарища инквизиции? – пряча за усмешкой растерянность спросил у пудинга Шарль. Тот горячо закивал, тряся круглыми щечками. Трубадур, конечно, не поверил в малолетнего волшебника, но разобраться было необходимо.

– Что у тебя в мешке? – строго спросил он.

– Ничего, – мгновенно ответил мальчик-бельчонок.

– Ничего столько места не занимает! – проговорил Шарль. – Рассказывай.

Мальчишка потупил взор и ничего не сказал. Тогда Шарль решительно взял мешок и запустил в него руки.

– Вот это да! – через несколько мгновений воскликнул трубадур. – Прекрасный барбют, кираса, наручи, меч... Почти полное рыцарское снаряжение! Ты что – собрался в Крестовый поход?

Шарль понял, что здесь что-то не так, ведь подобные вещи не оказываются случайно в сумке школьника вместо обеда. Однако пока трубадур решил не привлекать к этому излишнего внимания других учеников. Нужно было сначала поговорить с мальчиком без посторонних.

– Откуда ты это взял? – спросил Шарль, выведя мальчишку из класса.

Рыжий мальчик-бельчонок, которого, кстати, звали Людвигом, испуганно тарасил глаза и ничего не отвечал.

– Если ты и дальше будешь молчать, я, пожалуй, и вправду отдам тебя святой инквизиции, – пригрозил Шарль.

Подумав мгновение, Людвиг наконец выдал из себя слова:

– Эти доспехи попали ко мне следующим образом: два господина, которых я ранее никогда не встречал, предложили мне несколько медяков за то, чтобы я отправился в гостиницу «Сытый баран» и забрал из комнаты одного постояльца вещи, которые тот забыл там вчера утром.

«Звучит складно», – подумал Шарль.

– И зачем им забытые постояльцем вещи? – на всякий случай уточнил трубадур, хотя прекрасно понимал, какой последует ответ.

– Чтобы вернуть их владельцу, – без запинки проговорил мальчик.

«Легенда отработана», – решил Шарль.

– Почему этот постоялец сам не пошел за своими веща-

ми? – трубадур продолжал выпытывать подробности.

– Он потерял ключ.

– А как ты проник в его комнату?

– Те господа дали мне ключ.

– Так он же потерял!

– Они его нашли.

– И как это им удалось?

– Совершенно случайно. Они увидели, что, выбегая из трактира с красивой блондинкой, постоялец-рыцарь выронил из кармана ключ.

При этих словах Шарль обомлел, но виду не подал.

– Почему же в таком случае они не вернули рыцарю ключ, чтобы он сам забрал свое имущество?

– Они не знали, где он теперь живет.

– Тогда каким образом они собирались возвратить ему вещи?!

Людвиг запутался.

– Я не могу сказать... – пролепетал он, – этого мне не объяснили..., но я уверен, что те господа – честные люди! Клянусь, я ни в чем не виноват!

Рассказанного Шарлю было достаточно. Кроме того, услышав про рыцаря и блондинку, он, конечно же, сразу понял, кому принадлежат доспехи в мешке.

– Трудно предполагать, будто ты так наивен, – проговорил трубадур. – Однако на первый раз я сделаю вид, что поверил тебе. Мешок с доспехами оставишь здесь. Я сам возвращу

его владельцу.

Людвиг кивнул, обрадовавшись, что легко отделался, и Шарль затолкнул его обратно в классную комнату.

– Видите, дети? – сказал трубадур. – Ничего страшного! Ваш товарищ не колдун. Он просто решил освободить от турок Константинополь.

Шутка была так себе, но для мальчишек сошла. Все засмеялись.

– Возвращаемся к уроку! – громко промолвил Шарль. Он дал понять, что инцидент с доспехами исчерпан. Людвиг испуганно сел на место, тихонько задвинув злосчастный мешок под лавку.

– Сегодня каждый из вас должен был выучить наизусть какой-нибудь понравившийся отрывок из древней книги, – как ни в чем не бывало обращаясь к классу, продолжил Шарль. – Вне всякого сомнения... – он выдержал паузу, – ... вы не сделали этого.

– Нет! – послышались возгласы, которые можно было понять двояко.

– Нет – не выучили? Или: нет – выучили? – с усмешкой переспросил трубадур. За такую манеру с юмором вести занятия ученики его и любили. – Ладно, давайте проверим. Людвиг, начнем с тебя!

Рыжему мальчишке сегодня явно не везло. «Да что же такое?» – казалось, было написано на его лице, пока он шел к доске. С унылым видом Людвиг стал перед классом и про-

бубнил:

– Прокопий Кесарийский. Война с вандалами.

– Прекрасный выбор! – воскликнул Шарль. – Хотя я бы, пожалуй, предпочел «Записки о гальской войне» Юлия Цезаря.

Людвиг виновато пожал плечами.

– Ладно... – махнул рукой Шарль. – Читай, что приготовил.

Мальчик начал монотонно декламировать:

– Когда римский автократор Феодосий, справедливый человек и прекрасный воин, покинул здешний мир, держава была разделена между двумя его детьми. Старший, Аркадий, получил восточную часть; младший, Гонорий, – западную...

– Да-да, все так, – кивал Шарль, следя по книге, правильно ли выучен текст.

– ...Когда на Западе царствовал Гонорий, варвары захватили его землю...

Некоторые ученики уже начали клевать носом.

– ...Говорят, что в это время в Равенне василевсу Гонорию один из евнухов, вероятнее всего, смотритель его птичника, сообщил, что Рим погиб; в ответ василевс громко воскликнул: «Да ведь я только что кормил его из своих рук!». Дело в том, что у него был огромный петух, по имени Рим: евнух, поняв его слова, сказал ему, что город Рим погиб от руки Алариха; успокоившись, василевс сказал: «А я-то, дружище, подумал, что это погиб мой петух Рим». Столь вели-

ко, говорят, было безрассудство этого василевса...

С этого момента Шарль, отбросив книгу, стал внимательно вслушиваться в каждое слово. Когда Людвиг, завершая отрывок, процитировал: «...*Ибо Богу угодно приходить на помощь тем, кто не отличается сообразительностью...*», догадка внезапно озарила трубадура.

Глава XV, в которой становится понятно, что неизбежный конец был не окончательным

Стена, в которую вжался маркиз, оказалась дверью. Внезапно она распахнулась в довольно уютную прихожую, обшитую деревянными панелями, на них сверкали медные крючки для плащей. В углу стояли несколько тростей с набалдашниками в виде голов мифических животных. Где-то далеко под потолком покачивался на цепях масляный светильник изящной работы. Все это Арбогаст наблюдал с непривычного для себя ракурса – снизу вверх. Шлепнувшись навзничь, он больно ударился. Прихожую устилала пушистая ковровая дорожка бордового цвета, однако под ней находился жесткий каменный пол.

Кухарка молниеносным движением захлопнула дверь, едва не прищемив нос одного из верзил, сунувшегося за Арбогастом. Маркиз едва умудрился отдернуть ноги. Оставшиеся снаружи враги забарабанили в дверь, в грубых выражениях требуя отпереть ее. Но, к счастью, мощный засов был способен выдержать и более сильный натиск.

– Кто вы, благородный господин? – кухарка с интересом разглядывала маркиза.

– Я просто несчастный рыцарь, подвергшийся вероломно-

му нападению... – Арбогаст, не понимал, кто эта женщина и какие у нее планы, а потому решил отвечать уклончиво.

– Вы отчаянно защищались, – похвалила кухарка.

– Да, но мой слуга, кажется, погиб...

– Не печальтесь, сударь. Вы ведь тоже покончили с одним из этих мерзавцев.

Маркиз наконец сообразил, что все еще продолжает лежать на полу и что вести разговор в таком положении не очень удобно. Он начал медленно подниматься, морщась от боли. Спина после падения точно была вся в синяках, а вот вражеский клинок, скользя по ребрам, слава Богу, оставил только царапину.

– Вы их знаете? – встав на ноги, Арбогаст принялся отряхивать от пыли дорогой камзол, на котором теперь зияла некрасивая дыра.

– Кого – этих? Чего их знать? – кухарка пожала плечами. – Обычные разбойники. Промышляют в округе. Попрошайки и шалопаи вроде этого негодного мальчишки приносят им краденное, которое они затем продают.

– А мальчишка вам знаком? – быстро спросил маркиз, надеясь, что сможет опять напасть на его след.

– Впервые его видела. Да и на кой он вам сдался?

– Он утащил мой мешок, – соврал Арбогаст. – Там были ценные вещи.

Женщина сочувственно покачала головой.

– В таком случае, сударь, вам лучше попрощаться с ними.

Мальчишка перепродает их кому-нибудь другому. Вряд ли вы сможете получить назад свое имущество.

В этот момент на дверь обрушился особо сильный удар. Похоже, враги не желали отказываться от попыток добратся до маркиза. Арбогаст с беспокойством взглянул на засов. Выдержит ли? Снова вступать в бой не хотелось...

– На окнах есть решетки? – уточнил маркиз и с облегчением выдохнул, когда женщина кивнула. По крайней мере, внутри дома ему не угрожала опасность.

Тем не менее, Арбогаст не собирался сидеть здесь, как мышь, загнанная в нору. Он не мог позволить себе терять времени. Вдруг рыцарь с блондинкой уже на пути к разгадке секрета?!

– Я очень благодарен вам, – деловым тоном сказал кухарке маркиз, – но мне, пожалуй, пора. В доме имеется запасной выход?

– Нет, сударь, – ответила женщина, – выход только один. Был черный ход на кухне, да в прошлом году хозяин приказал заложить его кирпичом.

– Проклятье! – воскликнул Арбогаст. – Как же мне отсюда выбраться?

Он на секунду задумался.

– А что, если через крышу? Ведите меня на чердак!

Дом был двухэтажным с нежилой мансардой. Хозяева использовали ее как чулан, где хранили ненужные вещи и некоторые запасы съестного. Наверх вела скрипучая деревянная

лестница с резными балясинами и гладкими перилами. Поднявшись по ней, Арбогаст почувствовал запах старого дерева, пыли и яблок, которые хранились тут в ящиках возле входа. Большие, красные, словно покрытые лаком, яблоки были так аппетитны, что Арбогаст не удержался и незаметно положил пару штук в карманы камзола. «Потом съем по пути», – решил он.

Вылезти на крышу можно было через маленькое окошко, расположенное на фронте. Протиснуться сквозь него оказалось непросто, и если бы маркиз был хоть немного толще, то непременно бы застрял. Однако Арбогаст сумел высунуться наружу, ухватился за свес кровли и повис на ру-

ках. Снизу продолжали с остервенением ломиться в дверь разбойники. Маркиз усмехнулся тому, как ловко обвел их вокруг пальца. Оставалось лишь забраться на крышу, затем спуститься с другой стороны дома по водосточной трубе, после чего незамеченному ускользнуть. Арбогаст уже напряг мышцы для рывка, и в этот момент яблоки вывалились из его кармана.

Маркизу не требовалось смотреть вниз, чтобы понять, что случилось. Достаточно было услышать глухое оханье и отборную брань. Кажется, попадание было метким. И оно заставило разбойников поднять головы. Увидев своего врага, они стали швырять в него камнями. Арбогаст подтянулся, выбрался на крышу и, с трудом удерживая равновесие, замер, не зная, что делать дальше. Спуститься и убежать теперь не получится – схватят. Преследователи сразу поняли, что маркиз опять в западне. Только сейчас он напоминал не мышь, спрятавшуюся под шкафом, а кота, которого загнали на дерево злые собаки.

– Эй, ты! – кричали они. – Слезай лучше сам, а то хуже будет!

Естественно, выражались разбойники немного не так. Арбогаст знал, что на крыше до него не доберутся, однако оставаться там долго не входило в его планы. Маркиз лихорадочно соображал, ища какое-нибудь решение. И вдруг на соседней улице он увидел городских стражников, совершавших обход.

– Караул! Караул! – закричал Арбогаст и, выхватив из-за обшлага рукава платок, замахал им над головой, как потерявший кораблекрушение при виде спасительной каравеллы. – Здесь грабители! Душегубы! Сюда!

Разбойники не стали дожидаться появления стражи. Перспектива оказаться в темнице, а то и на виселице их не обрадовала. Лишь только маркиз начал звать на помощь, как они бросились наутек. Подоспевшим стражникам уже некого было арестовывать. Равнодушно выслушав объяснения спустившегося с крыши Арбогаста, они, не торопясь, удалились.

Маркиз тоже собрался уходить. Вдруг его окликнула кухарка, высунувшаяся на крыльцо.

– Сударь! – проговорила она. – А может, задержитесь? Хозяин еще не скоро придет, а у меня найдутся яблочки и получше тех, что вы так и не успели попробовать.

Женщина многозначительно посмотрела на Арбогаста из-под длинных ресниц. Он скользнул взглядом по ее статной фигуре, туго стянутой расшитым корсетом, и хотел уже согласиться. Но в последний момент передумал. Дело прежде всего!

– На базар! – сказал себе маркиз. – На базар!

Глава XVI, в которой описывается яркое историческое событие, но нетерпеливый читатель ее может и пропустить

Он ничего не знал. В то утро его, вместе с другими невольниками, разбудили затемно. Не дав времени выпить даже глотка воды, надсмотрщики повели рабов к пологим берегам реки. Поток имел здесь глубину примерно по плечи и тихо журчал в предутренних сумерках.

Им выдали инструмент: кирки, лопаты, носилки. После чего главный надсмотрщик приказал делать запруду и рыть канал, чтобы пустить течение в другое русло. Приказ показался странным, но рабам никогда не объясняли смысла их действий. Поэтому невольники безропотно приступили к делу.

Задача была непростой и вдобавок усложнялась тем, что землекопов нещадно торопили. Приходилось без устали долбить твердый грунт, чтоб создать новое речное ложе, и носить огромные камни для строительства вала поперек потока. Работой руководил архитектор из римлян. После падения Вечного города он добровольно перешел на службу к вестготам, чтобы стать кем-то вроде придворного зодчего коро-

ля Алариха. Его подкупило, то, что во время разграбления Рима Аларих не разрешал своим воинам поджигать дома и храмы. «Этот человек ценит хорошие здания», – решил архитектор.

Сегодня ему представился шанс продемонстрировать свое искусство. Он очень суетился: что-то вычислял, скребя по восковой табличке стилосом, измерял расстояния веревками с завязанными узлами и совершал еще много такого, чего простые невольники понять не могли. Да и не пытались. Им было не до премудростей. Они просто хотели выжить. Архитектор часто перемежал речь латинскими фразами, но поскольку и без их перевода было понятно, чего он требует, фразы эти скорее всего являлись ругательствами.

В отличие от товарищей по несчастью Флор прекрасно понимал все слова вспыльчивого архитектора. Ведь он сам был когда-то римским легионером. Вестготы захватили его в плен два года назад во время первой осады Рима. Флора сделали рабом и заставили тяжело трудиться, но он никогда не оставлял надежды вновь обрести свободу.

Стоя по пояс в холодной воде, бывший легионер укладывал камни. «Один за одним, один на другой», – бормотал он про себя. Флор очень устал, мышцы сводило, ему хотелось бросить это изматывающее занятие и бежать. Но бдительные надсмотрщики не дали бы ему сделать и сотни шагов от реки.

Неподалеку заманчиво шумели заросли прошлогоднего тростника. В них щебетали птицы. Эх, был бы Флор вольной

птичкой – улетел бы прочь...

Внезапно бывший легионер выронил из рук камень. Сера глыба упала в воду подняв, тучи брызг. В то же мгновение Флор зашатался и рухнул за ней. Он не всплывал минуту, две... По речной глади пошли пузырьки.

Вестготы с берега видели, как один из обессиливших рабов ушел на дно. Однако невольников еще оставалось много, поэтому лезть в воду, чтобы достать Флора, никто из надсмотрщиков не захотел. На него равнодушно махнули рукой: утонул и утонул.

Вниз по течению торчмя проплыла маленькая тростинка. Никто не обратил на нее внимания, и это было хорошо. Бывший легионер, конечно же, и не думал тонуть. Решившись на отчаянный шаг, Флор применил военную хитрость. Нырнув, он добрался до камышей и затаился под водой, дыша через коленчатую трубочку стебля, как делают росомоны и анты. Никем не замеченный, он выплыл на стремнину, которая понесла его прочь от суровых вестготов, несчастных землекопов и ругающегося архитектора. Оказавшись на безопасном расстоянии, Флор выбрался из реки и залег в густых кустах неподалеку от берега.

Ему бы следовало без промедления убежать как можно дальше. Но любопытство заставило Флора остаться. Он хотел узнать: зачем вестготы перегораживают реку? Бывший легионер и освободившийся раб стал терпеливо ждать, чем закончится дело.

Медленно текло время. После длительного и кропотливого труда дно реки наконец-то открылось взору. Там, во влажном иле, невольники вырыли глубокую яму. Затем, передавая предметы по цепочке, ее стали наполнять сокровищами.

Флор видел блистающее золото в монетах и слитках. Украшенные смарагдами тяжелые короны, от веса которых склонилась бы даже самая сильная шея. Бесчисленные россыпи алмазных перстней и колец. Униженные рубинами драгоценные жезлы. Большие скульптуры волов из чистого серебра с громадными сапфирами вместо глаз. Двенадцать кубков, инкрустированных перламутром и вишневым яхонтом. Дорогое оружие и доспехи... Казалось, неиссякаемый поток богатств будет продолжаться вечно. В последнюю очередь в речной ил погрузили золотой саркофаг. Нетрудно было догадаться, что он принадлежит королю Алариху.

«Значит, завоеватель Рима – мертв», – понял Флор. Он затаился в кустах и почти перестал дышать.

Рабы начали разрушать плотину. Вскоре раздался оглушительный грохот и рев: поток, стремящийся вернуться в привычное русло, разметал остатки валунов. Флор увидел, как река ворвалась в свои прежние владения. Толща воды поглотила место великой тайны, скрыв под собой небывалые сокровища и гробницу вестготского короля.

Флор понял все. Увиденного было достаточно. Он вскочил и бросился бежать, не оглядываясь и не желая знать, как вестготы, поклявшиеся сохранить секрет, утопили всех зем-

лекопов и римского архитектора. Флор мчался, как ветер, как быстроногий олень. Он споткнулся, упал, поднялся и побежал дальше. Чтобы выжить, чтобы спастись, чтобы передать тайну *потомкам и грядущим векам*.

Заканчивался четыреста десятый год от Рождества Христова...

Глава XVII, в которой на базаре происходит прелюбопытнейшее явление

Персиваль шел впереди, Шарлотта отставала от него на полшага. Они словно поменялись ролями относительно вчерашнего дня, когда девушка тащила за собой рыцаря.

К рынку вела длинная улица, состоящая из одноэтажных домов. Кое-где на них виднелись яркие вывески: «Цирюльник», «Лекарь», «Портной». Затежливо украшенные нарисованными орудиями ремесла вроде ножниц или пестика в ступке, они сразу привлекали к себе внимание. Особенно бросалась в глаза вывеска городской бани. Увидев изображенное на ней, Персиваль улыбнулся, а Шарлотта покраснела.

Базар находился на небольшой площади. Ее архитектурной доминантой являлся остроконечный шпиль на башне ратуши. Он возвышался над площадью как обелиск, отбрасывая длинную коническую тень, напоминающую стрелку компаса. Башню украшали причудливые химеры. Впрочем, можно было бы долго спорить – украшали они ратушу или уродовали. Каменные фигуры были до того страшные, что брала оторопь. И тем не менее, в них чувствовалась рука мастера. Клыкастые львиные морды статуй взирали на прохо-

жих так выразительно, будто хотели что-то сказать.

Почти все пространство перед ратушей занимали разноцветные палатки торговцев. Красные, синие, оранжевые – они пестрели перед глазами, словно цветы на клумбе. Товары, в изобилии разложенные на прилавках, ждали щедрых покупателей. Впрочем, Персиваль заметил, что многие из посетителей рынка только прицениваются, но ничего не берут. «Наверное, экономят», – подумал рыцарь. Внимательно разглядывая окружающих, он пытался в толпящемся на площади простонародье найти какую-нибудь связь с нарисованным простаком, однако пока ничего не приходило в голову.

Шарлотта с чисто женским любопытством смотрела, что продают и почему. Она ходила между прилавками, что-то спрашивала у торговцев. Обилие ароматов приятно щекотало нос. Пахло фруктами, выделанной кожей, специями, деревом и чем-то еще, ускользающим от понимания, но таким знакомым... конечно, лаванда! Шарлотта с наслаждением втянула воздух.

– Господин, купите кувшин! Редкий серебряный из Абиссинии!

Продавец-блондин, явно не бывавший нигде южнее этого городка, показывал на большой металлический сосуд, украшенный гравировкой. Персиваль отрицательно помотал головой.

– Не пожалеете, сударь! Говорят, что у Трех Царей были такие кувшины.

Это было заманчиво, но не подействовало. Рыцарь шагнул в сторону, а ему в лицо уже совали пироги с говядиной.

– Закусите пирожками! Свежие горячие!

Рынок бурлил вокруг как штормовое море, кружился как хоровод. Пятясь от очередного назойливого торговца, Персиваль вдруг почувствовал, что нечаянно толкнул кого-то спиной. Он обернулся, чтобы извиниться, и вдруг отпрянул, словно ступив в огонь. Перед рыцарем стоял человек, напавший на них с Шарлоттой в доме нотариуса. Сомнений не оставалось: темные кудри, холодный взгляд, дорогой камзол, правда, теперь почему-то с некрасивой дырой на боку.

Незнакомец тоже мгновенно узнал Персиваля.

– Попался! – воскликнул он и попытался схватить рыцаря за рукав.

Персиваль увернулся, чуть не свалив при этом лоток с посудой. Старик-гончар громко охнул, увидев, как опасно качнулись, едва не упав, глиняные горшки и кружки – его товар. Рыцарь забежал за прилавок, отгородившись им от наступающего преследователя. В руках у того блеснул меч. Персиваль был безоружен и сейчас быстро придумывал, чем можно обороняться. Одновременно он искал глазами Шарлотту, которую потерял в толпе.

Незнакомец в дырявом камзоле рывком обогнул лоток, но рыцарь уже был с другой стороны. Словно в детской игре оба замерли, пристально следя друг за другом и ожидая, пока кто-то замешкается.

Гончар не дышал. Он понимал – одно неосторожное движение, и вся его посуда будет расколочена вдребезги. Это не укрылось от Персиваля. Несмотря на критическую для себя ситуацию, ему стало жаль старика, весь труд которого мог погибнуть в одну секунду. Внезапно где-то рядом послышался крик Шарлотты. Видимо, она тоже попала в беду. Надо было решаться...

– Прости, гончар!

Одним движением рыцарь опрокинул прилавок на опешившего врага. Сбив того с ног, лоток с грохотом рухнул, подняв тучи пыли и разметав вокруг осколки посуды. Перепрыгнув через обломки, Персиваль бросился на помощь Шарлотте.

Мужчина в кожаной куртке держал девушку, заломив ей руки. Рыцарь сразу узнал в нем второго нападавшего в доме нотариуса. Схватив негодяя за плечо, Персиваль резко развернул его и со всей силы ударил в челюсть. Тот отлетел в сторону, сломав навес, под которым продавались турецкие сладости.

– Вы в порядке? – спросил Персиваль Шарлотту, но горничная не успела ответить.

Первый враг выбрался из-под остатков прилавка. Разъяренный и поцарапанный, он снова бросился в бой. К нему присоединились потерявший весь свой товар гончар и хозяин сломанного навеса.

– Что-то их много... – пролепетала Шарлотта.

– Бежим! – коротко согласился Персиваль.

Они бросились наутек. Расталкивая толпу и переворачивая оказавшиеся на пути ящики с барахлом, рыцарь и девушка забежали в ту часть базара, где продавали скотину. Здесь пахло навозом и прелым сеном. За низким деревянным забором мычал рыжий теленок, в клетках сидели нахохлившиеся курицы. Не разбирая дороги Персиваль и Шарлотта бросились напролом. Раздалось отчаянное кудахтанье. Клетки с курами полетели во все стороны, многие из них открылись, и птицы вырвались на свободу. Испугавшийся бычок начал бодать забор. Переполох нарастал, но оторваться от преследователей рыцарю с горничной не удавалось.

В суматохе никто не обратил внимания на скромную женщину средних лет, пришедшую на базар. Она была в неброском коричневом платье, на голове – аккуратный белый чепец. В руках женщина держала плетеную корзинку. Возможно, она собиралась купить молоко или сыр, а возможно свежую рыбу. В любом случае этого уже никто и никогда не узнал.

Трудно сказать, что послужило причиной. Может быть, облачко набежало на солнце, может, часы на ратуше ударили слишком звонко, а может, всему виной стало расположение планет. Внезапно женщина выбежала на свободное место и, грянув корзинку о желтовато-серую брусчатку, вдруг стала притопывать каблуками, хлопать в ладоши, подпрыгивать и поводить плечами. Словно какая-то колдовская скрипка, ко-

торуую слышала только несчастная плясунья, завладела ей и подчинила себе.

Сначала танцующая женщина вызвала лишь недоуменные взгляды. Но через несколько минут некоторые посетители базара стали робко притопывать вслед за ней. Все вместе они попадали в такт какой-то загадочной мелодии, которую не распознавал обычный человеческий слух.

Постепенно пляска разгоралась сильнее. Уже десяток человек танцевали вокруг странной женщины, и никто не мог понять, что происходит. Подобно снежной лавине, начинающейся с маленькой льдинки, плясовая мания расширялась, захватывая все новых людей на площади.

Вот булочник, жонглируя хлебом, танцевал возле своей палатки, вот торговец вином выделывал кренделя ногами. И даже старый гончар выкидывал коленца, как в лучшие дни своей юности. Неизвестно откуда вылез полоумный горбун с шалмеем. Он оглушительно дудел в него рванную мелодию, которая непостижимым образом идеально подходила к творящейся вакханалии.

Благодаря всеобщему помешательству рыцаря с девушкой оставили в покое. Персиваль видел, что преследователь в рваном камзоле тоже попал под действие неведомых чар. Он танцевал, вращая вокруг себя меч. Рыцарь и сам чувствовал томящее желание броситься в пляс. Помимо воли он стал взмахивать рукой. Шарлотта дала ему оплеуху. Это подействовало.

– Что происходит? – девушка смотрела на Персиваля перепуганными глазами.

– Танцевальная чума, – глухо проговорил рыцарь, потирая щеку.

– Что?! – горничная никогда о таком не слышала.

– Потом объясню. Идемте.

Танцевальной чумой или Пляской Святого Вита называлось совершенно особое явление, существовавшее в средневековье. По непонятным причинам люди внезапно начинали плясать на площадях и улицах городов. Кто-то танцевал несколько часов или дней, кто-то – несколько месяцев. В последнем случае несчастные чаще всего не оставались в живых. Они выбивались из сил, падали и умирали от истощения. В течение нескольких столетий подобные события происходили в Германии, Франции, Италии и Голландии. Церковь объясняла танцевальную чуму действиями сверхъестественных сил, ученые мужи последующих веков – нервными болезнями или массовыми отравлениями спорыньей.

Примерно так Персиваль и растолковал произошедшее горничной. Пока они шли к домику с двумя флюгерами, рыцарь рассказал все, что знал об этом странном феномене, о котором слышал, но никогда ранее не наблюдал. Добравшись до цели, они обнаружили, что Шарль уже ждал их там. Он окончил занятия и теперь, как всегда, сидел за столом в гостиной со стаканом и бутылкой вина. У его ног стоял довольно большой полосатый мешок.

– Ну и как успехи? – весело спросил трубадур, наливая бордо.

Персиваль промолчал, а Шарлотта смущенно улыбнулась.

– В общем, мы разгромили рынок! – сказала она.

Глава XVIII, в которой случается кое-что важное

– За это и выпьем! – проговорил Шарль, опрокидывая стакан. На его лице отобразилось странное сочетание удовольствия и отвращения. Проглотив вино, он с сомнением стал пристально изучать бутылку, вертя ее так и эдак и даже рассматривая на свет.

– Бордо? – уточнил Персиваль.

– Скорее – бурда... – разочаровано проворчал трубадур. – Видимо, обманули. Шарлотта, дай-ка мне другую бутылку из шкафчика...

Пока девушка ходила на кухню за новым вином, Персиваль рассказывал Шарлю все подробности случившегося на базаре. Однако тот с бóльшим вниманием прислушивался к звону стекла и хлопанью дверок буфета в соседней комнате. Странные события на городской площади не произвели на трубадура никакого впечатления.

– Я в Тулузе и не такое видал! – махнул он рукой. – Чего только не творили там добрые люди... Ну а самое главное-то – что? Обнаружили вы какую-нибудь подсказку?

Рыцарь огорченно покачал головой. Сказать было нечего. В этот момент в гостиную вернулась Шарлотта.

– Ты все выпил, Шарль! – укоризненно произнесла она. –

Еле нашла!

– Анжуйское... – удовлетворенно протянул трубадур, принимая у сестры бутылку.

– Это – хорошее? – спросил Персиваль. Он как следует знал только рейнское, а вообще – предпочитал пиво.

– Пойдет, – уклончиво ответил Шарль.

Трубадур разлил вино по стаканам и предложил всем по-пробовать. Рыцарь пригубил и одобрительно кивнул. Шарлотта после пары глотков начала розоветь, а когда она розовела, то становилась еще привлекательнее.

– Как я понял, – проговорил Шарль, смотря поочередно на рыцаря и сестру, – ваш поход оказался безрезультатным. А вот я сегодня смог кое-что узнать.

Он залпом осушил стакан и налил следующий.

– Мы ошибочно думали, что юноша, изображенный на пергаменте – король Артур, – проговорил трубадур. – В действительности это римский император Гонорий. Мне сразу следовало догадаться. Ведь очевидно, что нотариус рисовал образ некоего принца. А слово «принц» происходит от титула принцепс, который начиная с Октавиана принадлежал правителю Римской империи. Кроме того, не случайно изображен именно мальчик, а не взрослый мужчина – император Гонорий взошел на престол будучи ребенком.

Персиваль решил поспорить:

– Но, в таком случае, почему Гонорий, а не Ромул Августул?

– Блестящее возражение, – искренне восхитился Шарль, – и блестящее знание древней истории. Однако, как мы помним, на рисунке есть еще одна деталь...

И трубадур рассказал рыцарю и сестре легенду про петуха Рима.

– Похоже, ты прав, – сказала Шарлотта. – Это император Гонорий.

Она, если честно, впервые слышала о таком.

– Видимо, он, – согласился рыцарь. Ему это имя, кажется, уже где-то встречалось.

– Только что это значит? – добавила девушка.

– Думаю, следующее, – изрек Шарль, – старик с неводом, скорее всего, и вправду – король-рыбак. В мифах он является хранителем *таинственного сокровища*. Вероятно, на рисунке нотариуса король-рыбак исполняет такую же роль и призван пояснить, о чем вообще идет речь. Во-первых, он символизирует самого Фердинанда Маркеса, как носителя тайны, а во-вторых, указывает, что на пергаменте зашифрован секрет какого-то клада. И это совсем не обязательно должен быть Святой Грааль.

– Тогда что это? – в один голос воскликнули Персиваль и Шарлотта.

– Об этом нам рассказывает вторая фигурка, – важно продолжил трубадур. – Император Гонорий примечателен в первую очередь тем, что в его правление предводитель вестготов Аларих захватил и разграбил Рим. Тогда же произошел

и случай с петухом императора. Недаром птица изображена на пергаменте – это подсказка! Из Вечного города Аларих вывез несметные богатства и вскоре умер. Предание повествует, что похищенные сокровища погребли вместе с ним. Но никто не знает точно, где именно. По всей видимости об этом кладе и говорится в рисунке.

– Сокровища короля Алариха! – прошептал потрясенный Персиваль.

– Вернее – императора Гонория, – поправил Шарль. – Но в общем, да. Сейчас они чаще всего известны как *золото вестготов*.

– Получается, – стала подводить итоги Шарлотта, – три фигурки на пергаменте – это Тема, Детализация и...

– Указатель! – закончил за нее рыцарь. Ему вспомнилась похожая на стрелку компаса тень на городской площади.

– Осталось только понять, что означает Простак и картина полностью сложится, – проговорил трубадур, расслаблено откинувшись на спинку стула.

При слове «картина» в голове у Персиваля вдруг словно что-то щелкнуло.

– Я, кажется, догадался! – воскликнул он, вскакивая с места, и неожиданно схватил Шарлотту за локоть.

– Что с вами? – испуганно отшатнулась девушка.

– Мне нужно еще раз посетить кабинет вашего нотариуса.

Во второй половине дня погода начала портиться. Свежий

ветер пригнал с моря сизые облака, заслонившие солнце. Над крышами повисла сероватая дымка. Золотой крест на церкви Святой Марии Магдалены тускло поблескивал среди туч. Рыцарь и трубадур были в прекрасном настроении и всю дорогу к дому нотариуса обсуждали вина, сидр и крепкие настойки. Шарлотта молчала. Необходимость снова оказаться в кабинете Фердинанда Маркеса удручала ее. На крыльце особняка девушка пропустила своих спутников вперед и вошла последняя.

Большая прямоугольная комната предстала перед ними в том же виде, как и вчера, за исключением того, что хозяйина здесь уже не было. Стараниями кухарки его перенесли в церковь. Шарлотта внимательно смотрела на Персиваля. Во время пути сюда он так и не сказал, в чем состоит его догадка, обещая все объяснить на месте. И вот они здесь...

Рыцарь как будто превратился в охотничью собаку-ищейку. Он несколько раз обошел комнату, невнятно бормоча что-то себе под нос и то и дело останавливаясь, чтобы рассмотреть некоторые предметы. Шарлотта видела, как Персиваль взял и положил на место одну из книг, а затем провел указательным пальцем по лбу мраморной скульптуры, стоящей в углу. «Нет там пыли! – хотела воскликнуть горничная. – Я сама протирала ее несколько дней назад!». Но причина, конечно же, была не в пыли. Все, что делал в кабинете рыцарь, видимо, каким-то образом служило разгадке тайны, однако девушка пока ничего не могла понять.

Внезапно Персиваль остановился и устремил внимательный взгляд на картины, украшавшие стены. Лицо его осталось сосредоточено, но глаза просияли радостным торжеством.

– Ну что ж, вы, наверное, уже и сами все поняли? – проговорил он.

Трубадур и горничная недоуменно пожали плечами.

– И в самом деле не видите? – удивленно переспросил рыцарь.

Он подошел к одной из картин. Написанная на доске маслом, она висела в тяжелой коричневой раме недалеко от окна, над столом. Изображенный на ней сюжет казался довольно необычным: четыре человека собрались вместе для странного занятия. В то время как главный герой картины с растерянным лицом сидел в кресле, человек с воронкой, надетой вместо шляпы, оперировал его голову, чтобы достать оттуда камень. За процессом наблюдали монах с кувшином в руке и монахиня с тяжелой книгой, водруженной на макушку. На заднем плане виднелся красивый, но однообразный пейзаж с деревьями, полями и небольшим городком. Вся композиция была помещена в круг, обрамленный готической надписью на черном фоне «Мастер, удали камень. Меня зовут Лубберт Дас».

– Неплохая картина, – тоном знатока отметил Шарль. – Интересно, кто ее автор?

– Кажется, Иероним Босх, – проговорила Шарлотта. – По-

моему господин Маркес когда-то упоминал его. Он вообще любил живопись, особенно нидерландскую...

– Присмотритесь к картине внимательнее, – лукаво улыбаясь, посоветовал Персиваль.

Рыцарь даже отступил на шаг, чтобы открыть друзьям лучший обзор.

– Господи! – выдохнула Шарлотта. – Да это же наш про-стак!

Действительно, подвергавшийся операции сидящий мужчина поразительным образом напоминал толстяка, изображенного на пергаменте. Он был одет в такие же красные штаны и белую рубаху, имел схожую комплекцию и те же черты лица. Кроме того, камень, который держал в руке человек на рисунке нотариуса, был явной отсылкой к диковинной процедуре, запечатленной на картине.

– Что бы это значило? – задумчиво сказал трубадур.

– Я пока сам не могу понять, – ответил Персиваль. – Все элементы шифра собраны здесь, в этой комнате, – он показал на творение Босха, книгу Кретьена де Труа и сделанный неизвестным скульптором мраморный бюст императора Гонория, – однако какой из этого вывод?

– Ответ наверняка должен содержаться в картине, – сказала Шарлотта.

– Что ж, давайте попробуем его найти... – проговорил рыцарь. – Художник нарисовал тут какой-то город. Может, нам надо понять – какой?

– Вряд ли это возможно, – возразила горничная, – слишком мало деталей. Что если подсказкой являются монах и монахиня? Мы уже были в мужском монастыре. Может, это указание на то, что нужно посетить еще и женский?

Шарль покачал головой.

– В городе нет женской обители.

– А каково назначение самой операции? – спросил Персиваль. – Не пойму, что изображено: врачевание или убийство?

– Это-то как раз понятно, – ответил трубадур. – Простонародное поверие. Считается, что человека можно избавить от сумасшествия или глупости, если достать из его головы камень. Некоторые мошенники до сих пор промышляют этим на ярмарках.

– Достают из голов живых людей камни?! – обомлела Шарлотта.

– Нет, конечно, – трубадур раздраженно махнул рукой. – Камни они достают из рукава, как заправские фокусники. Но подумай: если человек пришел лечиться *от глупости*, хватит ли у него *ума* догадаться о таком обмане?

– То есть на картине изображен шарлатан? – уточнил рыцарь.

– Думаю, да, – сказал Шарль. – Плут, обводящий несчастного простофилю вокруг пальца с помощью ложной идеи. При этом представители церкви взирают со стороны и не в силах ему помешать. Если вам интересно мое мнение, я бы сказал, что художник аллегорически показал процесс

обольщения общества еретическими учениями при попустительстве официальных властей.

– Занятная трактовка, – проговорил Персиваль. – Только как связать ее с головоломкой, придуманной господином Маркесом?

– Вопрос!.. – согласился с ним трубадур и развел руками.

– Я уверен, что разгадка должна быть простой и даже очевидной, – промолвил рыцарь.

– Потому что связана с простаком? – спросила Шарлотта.

– Именно поэтому, – подтвердил Персиваль.

Он подошел вплотную к картине и начал внимательно изучать каждую деталь.

Шарль устал стоять и присел в кресло, кроме того, ему захотелось пить.

– Не было ли у нотариуса чего-нибудь, чем можно промочить горло? – спросил трубадур, с надеждой взглянув на сестру.

– В ящике стола может быть... – промолвила горничная.

Открыв секретер, Шарль нашел там кожаную флягу с вином и уже собирался выпить, как вдруг Персиваль негромко сказал:

– Ну неужели *настолько* просто?

Он неожиданно снял со стены картину и стал костяшками пальцев простукивать кирпичи, которые были за ней.

– Что вы делаете? – удивилась Шарлотта.

– Удали камень. Меня зовут Лубберт Дас, – вместо ответа

процитировал надпись на картине рыцарь.

– Кто этот Лубберт Дас? – спросила девушка.

– Никто. Это просто нарицательное имя. Означает – Дурак.

Персиваль стучал по стене в разных местах, но звук получался одинаковый всюду, и не было никаких признаков тайника. Рыцарь уже подумал, что заблуждался. Как вдруг...

За одним из кирпичей точно находилось пустое пространство. Услышав гулкий отзвук, рыцарь схватился за этот кирпич и потянул его на себя. К всеобщему удивлению, тот поддался. За ним обнаружилась узкая длинная ниша. Персиваль сунул в нее руку и вытащил деревянную коробочку с выдвигающей крышкой. Оттуда он достал карту какой-то местности, на которой виднелся отмеченный синими чернилами крестик и подпись «Сокровище тут».

– Друзья! – охрипшим от волнения голосом проговорил рыцарь. – Мы нашли путь к кладу вестготов.

– Не могу поверить! – закричала Шарлотта. – Выходит, решение было перед глазами.

Не сдержав чувств, она бросилась на шею Персивалю...

И в этот момент прогремел набат. С улицы раздались шум и крики. Подбежав к окну, трубачур, рыцарь и девушка увидели мечущихся в панике людей. Кто-то спешил к городским стенам, кто-то прочь от них. Кажется, никто не понимал, где гибель, а где спасение. Над городом собралась гроза. Город был обречен. Тревожно гудел монотонный колокол над

церковью Святой Магдалины.

– Бранденбург пришел! Война!

Глава XIX, в которой герои штурмуют и обороняют город

– В первую очередь нужно позаботиться о сохранности карты, – проговорил Персиваль, отходя от окна.

Судя по всему, городу предстояло нелегкое испытание. Рыцарю уже доводилось видеть осады, и он понимал, с чем придется столкнуться. Если захватчики одолеют гарнизон – начнется разграбление. В условиях хаоса уцелеть будет непросто и предметам, и людям.

– План лучше всего оставить там, где мы его нашли, – неожиданно предложил Шарль. – Надеюсь, карта нам еще пригодится, а этот тайник лучшее и самое надежное место, для того чтобы она благополучно перенесла осаду.

Подумав мгновение, Персиваль понял, что трубадур прав. Не зная о секретной нише, ее практически невозможно было бы обнаружить. Даже если враги разорят особняк, вряд ли они станут простукивать стены. Им это просто не придет в голову.

Рыцарь положил карту обратно в коробочку, с тихим щелчком задвинул крышку футляра и убрал его в потайное хранилище. Кирпич лег на место как влитой, слившись с остальной кладкой.

– Теперь владельцы секрета мы! – торжественно прогово-

рил Персиваль.

– Не слишком меня это радует, – скептически заметил Шарль, – с учетом того, что предыдущие хозяева плохо закончили.

– Что будем делать дальше? – спросил рыцарь.

– Предлагаю залечь на дно, – сказал трубадур. – Распря курфюрста с герцогами нас не касается. Грозу надо переждать!

Против такого плана никто не возражал. Спрятаться, конечно же, решили в доме трубадура и горничной.

– Картину надо унести с собой, – сказала Шарлотта. – Вдруг воины Бранденбурга ворвутся сюда. Если мы догадались о ее значении, то и другие, возможно, смогут.

– Вы правы, – согласился с ней рыцарь.

Персиваль взял картину под мышку, Шарль засунул за пазуху так и не откупоренную фляжку с вином (не бросать же!), Шарлотта ничего в комнате брать не стала, и все вместе они покинули бывшее жилище нотариуса.

В домике под двумя флюгерами было уютно. На столе стояла еда, в печке потрескивали дровишки. Даже не верилось, что снаружи идет бой. А битва кипела! Первый натиск захватчиков был отбит, и те откатились от укреплений, но быстро оправились и пошли в новую атаку. Защитники крепости сгрудились на бастионах, сталкивая наступавших в ров. Сверкали клинки, развевались знамена – издалека бой

выглядел как беспорядочное мельтешение яркого и блестящего. Вид получался красивый и даже праздничный, но стоило приблизиться к сражению хоть на сотню шагов, как весь эстетический флер спадал, обнажая страшную правду. Люди с обеих сторон безжалостно мутузили друг друга заточенными полосками металла, в воздухе с жужжанием проносились пули, выпущенные из аркебуз. Словно этого было недостаточно лучники посылали во врагов смертоносный рой стрел. Пушек было немного, но они оглушительно грохали, отчего содрогались небо, земля и сердца. В стены ударяли ядра, и в местах их попадания взвивались фонтанчики каменной крошки. Пехота пыталась пробиться к крепости, стрелки выбирали и поражали цель, городской гарнизон без устали орудовал алебардами, и только королева бранных полей – тяжелая конница Брандербурга – скучала поодаль, равнодушно наблюдая за ходом сражения из-под сени деревьев.

Для кавалеристов роли в осаде города не нашлось. Благородные рыцари откровенно зевали, не зная, чем себя занять. Меланхолический Фридрих вышел из своего шатра и смотрел на гибнущий город. Он не мог отогнать навязчивую мысль, что если от ворот крепости провести вертикальную черту, то солдат справа от нее окажется больше, чем слева. Это нарушение симметрии мучительно угнетало курфюрста, и он боролся с желанием отдать воинам приказ разместиться вдоль городских стен более равномерно. Кроме того, Фридриху очень хотелось вымыть руки. В общем, настроение бы-

ло паршивым...

Тревожное состояние овладело и Персивалем с друзьями. Они ждали развязки, которая неминуемо должна была случиться в ближайшее время. Вряд ли городок смог бы сопротивляться долго. Спасение состояло в том, чтобы забаррикадироваться дома и держаться до тех пор, пока не восстановится относительный порядок.

Внезапно артиллерия смолкла.

– Похоже, все... – проговорил трубадур.

– Надо выйти на улицу и посмотреть, – сказал рыцарь.

– Вы что бросите меня одну?! – взвизгнула Шарлотта. Ей совсем не улыбалась такая перспектива.

– Остайся с ней, – сказал Персивалю Шарль.

Он вышел за дверь, тишина за которой воспринималась страшнее, чем звуки недавней битвы. Рыцарь и девушка оказались наедине совсем близко друг к другу. В эти минуты опасности и волнений Шарлотта вдруг почувствовала инстинктивное притяжение к Персивалю. Она уже готова была взять его за руку...

И в этот момент снова грянули пушки. В комнату ввалился Шарль. Он был бледен. Обычная хмельная веселость слетела с него без следа.

– Горит! – с трудом вымолвил он. – Горит церковь Марии Магдалины!

Компания высыпала на крыльцо. В далеке за рекой, где

виднелся церковный шпиль, поднимались к небу черные клубы дыма. В воздухе пахло гарью. Видимо, лучники Бранденбурга выпустили по городу подожженные стрелы.

– Пожар совсем рядом с домом нотариуса, – встревожено проговорила Шарлотта. – Огонь может перекинуться на него!

– Если это произойдет – карта погибла! – упавшим голосом произнес трубадур.

– Ну уж нет! – решительно отрезал Персиваль. – Надо опередить пламя!

Девушка сразу поняла, к чему клонит рыцарь.

– Вы собрались пойти туда?! – вскричала она. – Сейчас, когда город горит и на улицы вот-вот ворвутся захватчики?

– Да.

– Вы сошли с ума!

Персиваль лишь отмахнулся:

– Некогда спорить. Речь идет о сокровище, которое и не вообразить человеку!

– Жизнь – вот сокровище человека!

Красивая фраза пропала втуне. Поняв, что не остановит рыцаря, Шарлотта чуть не расплакалась от бессилия.

– Шарль! Иди с ним! – приказала она.

– Нет! – твердо сказал трубадуру Персиваль. – Охраняй Шарлотту!

– У вас даже оружия нет, – в отчаянии всплеснула руками горничная.

– Будет, – неожиданно улыбнулся Шарль.

Он выволок из столовой полосатый мешок и раскрыл его перед изумленным рыцарем. Внутри что-то поблескивало.

– Откуда у тебя мои латы и меч? – Персиваль не верил глазам.

– Это долго рассказывать, – хитро прищурившись, ответил трубадур, – если коротко, то я обокрал тех, кто обокрал тебя. Главное, что эти железки повысят твои шансы уцелеть.

С помощью Шарля и его сестры Персиваль быстро облачился в доспехи. Простые, но надежные, с набедренниками и наручами, они хорошо защищали тело, почти не сковывая движений. Дутая кираса была одновременно и легкой, и прочной. От гладкой полированной стали веяло холодком. Шлем-барбют с вырезом в форме трилистника на лице давал возможность свободно дышать и обеспечивал неплохой обзор. На нем отсутствовали плюмаж и какие-либо другие украшения, но они и не требовались – вещь предназначалась для дела, а не турнира. Латы не выглядели единым комплектом и явно приобретались хозяином по частям, но в целом можно было сделать вывод, что Персиваль являлся поклонником итальянских бронников. Ими была изготовлена большая часть элементов доспеха, за исключением готических перчаток с шарнирными пальцами. Они были особенно хороши. «Тонкая работа!» – оценил трубадур.

Снаряжение рыцаря дополнял одноручный меч в потертых коричневых ножнах. Рукоять была отделана кожей,

скрученной в мелкий винт. В месте соединения лезвия и эфеса находился гладкий янтарь-кабошон. По центру клинка на всю его длину вился искусно выгравированный плющ. Меч был фамильным и передавался от отца к сыну уже не то в четырех, не то в пяти поколениях.

– Жалко, что нет щита, – проговорил Шарль.

– Он бы только мешал, – возразил Персиваль. – Сейчас самое главное – скорость.

– Вам очень идут доспехи, – заметила Шарлотта.

– А вам – аромат лаванды, – Персиваль, наконец-то, выполнил свое намерение сделать ей комплимент.

Их идиллию прервал трубадур, внимательно прислушавшийся к звукам боя.

– Кажется захватчики проломили ворота, – сказал он. – Сражение уже идет на улицах.

– Надо спешить! – понял Персиваль.

Рыцарь выбежал из домика под двумя флюгерами и устремился к мосту, провожаемый встревоженными взглядами трубадура и горничной.

До моста, слава Богу, битва еще не докатилась. Пока она шла далеко отсюда возле городских стен. Персиваль без проблем пересек реку и побегал по переулкам в ту сторону, откуда валил дым. Навстречу рыцарю пронеслись гулкие стоны набата, словно гибнущая в огне церковь призывала на помощь.

Персиваль плохо знал город. Он почти наугад пытался найти безопасный путь в стороне от главных улиц, на которых мог идти бой. Пока рыцарю везло, и он нигде не угодил в неприятности. Однако плутание отнимало время.

Постепенно этот страшный для городка день начинал угасать. Солнце стало клониться к закату, и земля медленно окутывалась сизыми сумерками. «Что я буду делать в темноте?!» – с ужасом подумал рыцарь, вспомнив про особенности своего зрения. Нужно было успеть до наступления ночи.

Внезапно дорогу Персивалю перегородил рослый воин в кольчуге, вооруженный копьем. Рыцарь не знал, кто перед ним: захватчик или защитник города. Впрочем, это не имело значения. Без разговоров неизвестный нанес удар, целя в грудь. Персиваль едва сумел увернуться. Однако, когда противник попытался атаковать второй раз, рыцарь уже был готов. Не вынимая меча, он схватился обеими руками за древко копья и изо всех сил дернул. Не ожидавший такого приема враг провалился вперед. Персиваль перепрыгнул через него и побежал дальше.

В соседнем переулке завязалась жестокая схватка. Городская стража дралась с солдатами Бранденбурга. Боевые цепи с треском бились о щиты, слышался лязг мечей, крики, ругань. Среди сражавшихся Персиваль узнал стражника с закрученными усами, которого видел вчера в трактире «Сытый баран». Усатый лихо размахивал кистенем, словно молотил жито. Враги в изумлении отступали перед этим разь-

ярным бойцом.

Смеркалось. Дующий в лицо ветер начал теплеть. Он нес жар от огня, охватывающего квартал возле церкви. Пламя

пожирало дома, выплевывая оранжевые искры и обволакивая окрестности едким дымом. Персиваль закашлялся.

В этот момент сзади послышался топот копыт. Обернувшись, рыцарь увидел, что на него мчится кавалерист, законный в вороненные латы. Размахивая клинком, он подгонял коня ударами шпор. Персиваль бросился наутек. Но у пешего не было никаких шансов убежать от всадника. Через несколько мгновений кавалерист неминуемо настиг бы его.

Вдруг Персиваль заметил валяющуюся в канаве цепь, одну из тех, что натягивались поперек дороги, чтобы сдерживать захватчиков. Удача вновь улыбнулась рыцарю. Рывком он скатился в канаву и потянул за конец цепи, подняв ее на пути врага. Стальные звенья звякнули, ударяясь друг о друга, и всадник со споткнувшимся конем полетели вверх тормашками. Выбравшись из канавы, Персиваль нырнул в простенок между домами и, не замедляя шага, продолжил путь.

Вскоре рыцарь достиг широкой улицы, освещенной пожаром. Стены стоящих здесь зданий казались бордовыми в сияющем зареве. Невдалеке возвышалась церковь Марии Магдалины. Пламя пока только подбиралось к ней, яростно бушующая в окрестных домах. Однако кое-где огонь уже набрасывался на храм, словно волк, атакующий мирного агнца.

И как кроткую овцу защищает от хищника пастушеский волкодав, церковь от пожара пытались отбить неравнодушные люди. Монахи обители Святого Петра, став один за другим, по цепочке передавали ведра с водой. Им помогали ми-

ряне: огромный чернобородый кузнец, трактирщик и торговцы с рынка. Они спешно копали ров, чтобы отрезать дорогу напирющему пламени. Между светскими и духовными лицами как комета носился мальчишка Людвиг, по мере сил пытаясь помочь то одним, то другим. Старый отец Леопольд, опустившись на колени, молил Господа отвратить беду. И так горяча была молитва доброго старика, что, казалось, нельзя было усомниться в том, что Бог услышит ее.

Возле городских стен тем временем продолжался бой. Трудно было понять, где сражались упорней и яростней – возле укреплений с врагами или возле церкви – с огнем. Уворачиваясь от случайно долетавших сюда пушечных ядер и стрел, а также от падающих с домов кусков штукатурки вперемешку с горящими досками, Персиваль спешил к особняку Фердинанда Маркеса.

Опасность была кругом. Со свистом рухнул в десяти шагах от рыцаря выплунутый бомбардой снаряд и, взрыв борозду, ушел в землю. Арбалетный болт с глухим стуком ударился о кирасу, другой – чиркнул по шлему. «Хорошо, что я надел доспехи!» – подумал Персиваль.

Дом нотариуса находился совсем близко. Почти все его окна были озарены, за стеклами колыхался яркий багровый свет. Здание медленно превращалось в печку. Свиристое пламя быстро распространялось по комнатам, подбираясь к кабинету. Но в нем пока еще огня не было. Только бы успеть!

Вдруг рыцарь увидел впереди... Нет, это уже было слиш-

KOM!..

Глава XX, в которой повествование приближается к завершению

– Я так и знал, что ты явишься сюда!

Рядом с горящим особняком Фердинанда Маркеса стояли два человека. Один из них – небритый и грубый верзила – напоминал дрессированную обезьяну. На нем был дешевый стеганный доспех, а на голове – железный колпак. Второй, наоборот, выглядел элегантно – в дорогой фиолетовой бригантине, расшитой по последней моде узорами, в золоченых поножах и шлеме-армете. Он небрежно опирался на полуторный меч как на трость. Из-под открытого забрала холодно поблескивали голубые глаза.

– Я знал, и я не ошибся, – повторил дорого обмундированный человек.

Господин и слуга решительно направились к Персивалю.

– Может, все-таки скажешь, кто ты такой? – отступая на шаг, проговорил рыцарь. Ему и вправду хотелось узнать имя преследователя.

– Да какая тебе уже разница? – маркиз Арбогаст стал в боевую позицию, выставив вперед меч. – Мне нужен секрет нотариуса. Он у тебя. Отдавай по-хорошему и умрешь быстро!

Подручный маркиза начал исподволь заходить сбоку...

– Смелости и благородства тебе, конечно, не занимать, – сострил Персиваль. – Действуешь инкогнито, к тому же вдвоем против одного.

Арбогаст отнесся к упреку серьезно.

– Я мог бы сразиться с тобой по-честному, – сказал он. – Один на один.

– Правда? – удивился сообщник маркиза.

Выдержав паузу, Арбогаст улыбнулся:

– Нет. Я пошутил. К чему мне рисковать?

Персиваль не стал дожидаться, пока противник ударит первым. Он знал, если драки не избежать, атаковать нужно самому. Тем более, когда сражаешься с превосходящими силами. Рванувшись с места, рыцарь попытался ткнуть клинком в распахнутое забрало врага.

Маркиз Арбогаст успел поднять меч и, отбив удар, ушел в сторону. Быстрым движением он скрыл лицо за стальной решеткой, лязгнувшей о шлем. Это, конечно, надо было сделать сразу. Он зря недооценил противника. Бой будет серьезным.

Тем временем подчиненный маркиза, замахнувшись поильней, рубанул сверху вниз. Однако действовал он так явно, что Персивалю не составило труда предугадать его маневр и легко увернуться. Меч, сопровождаемый шумным выдохом верзилы, просвистел в пустоте.

Не мешкая, пока враг оставался открытым, Персиваль заехал ему ногой в грудь. Тот рухнул на спину. Рыцарь не

смог добить поверженного противника, потому что верзила неожиданно проворно откатился и прыжком вскочил. Он мгновенно нанес ответный удар, который Персивалю с немалым трудом удалось отразить.

Краем глаза рыцарь заметил блеснувший сбоку металл. Арбогаст целил в голову Персиваля. Пригнувшись, рыцарь прошел под клинком врага и ударил его в живот. Бригантина маркиза выдержала, но толчок все равно получился настолько сильным, что у Арбогаста перехватило дыхание.

Воспользовавшись замешательством противника, Персиваль пробил «тройку»: в правое плечо, в левое плечо, в правую ногу. Однако маркиз смог защититься от этой атаки. Он завладел инициативой и стал теснить рыцаря. Его сообщник как свирепая псина кидался на врага вслед за хозяином.

Несколько раз клинки противников доставали Персиваля. Со звоном ударяясь о его кирасу, они высекали из нее искры. Прочный доспех пока спасал рыцаря от ранений, но стоило только врагам прицелиться получше и попасть в одно из сочленений брони – песенка Персиваля будет спета.

Сумерки сгущались. Рыцарь видел все хуже и, если бы не зарево грандиозного пожара, стал бы совсем беспомощен. Благодаря свету от огня, он пока мог различать противников. Тем не менее изначально нечестная битва становилась совсем неравной. Плохо видящий, сражающийся один против двоих врагов, Персиваль, казалось, не имел шансов.

«Главное, чтобы не загнали в угол», – подумал он, пятясь

и отбиваясь мечом.

Однако противники Персиваля, похоже, избрали другую тактику. В то время, когда подручный маркиза усилил натиск и, размахивая клинком, наступал на рыцаря, Арбогаст начал заходить сзади, чтобы напасть со спины. Персиваль понял, какую ловушку ему готовят. Угодить в эти клещи совсем не хотелось. Но что он мог предпринять? Разве что...

Враги атаковали одновременно. Маркиз и его помощник – оба нанесли глубокий сокрушающий выпад, бросившись вперед. Персиваль неминуемо превратился бы в курицу на вертеле, однако успел среагировать и отпрыгнул влево. Удар, тем не менее, не остался без цели. Господин и слуга столкнулись словно две повозки на узком мосту. Меч маркиза оказался длиннее, и он проткнул своего сообщника.

– Проклятье! – пробормотал Арбогаст, глядя на затихшее тело верзилы. – Но лучше так, чем наоборот.

Поединок затягивался. Усталость начала одолевать Персиваля. Он нанес врагу два мощных удара, однако тот с такой силой отразил их, что рыцарь дрогнул. Почувствовав слабость противника, Арбогаст, сам находящийся на последнем издыхании, удвоил напор. Персиваль начал отступать. И вдруг маркиз выбил из его рук оружие.

Рыцарь отшатнулся. Клинок улетел далеко.

– Вот тебе и конец! – торжествующе сказал Арбогаст.

Он занес меч для жестокого удара...

Внезапно Персиваль выбросил вперед руку, будто защи-

щаяся. «Жалкий глупец!» – подумал маркиз... Но латная перчатка сжимала конверт.

– Письмо нотариуса! – воскликнул Арбогаст. Он мгновенно понял, что держит рыцарь.

– Да, – проговорил Персиваль. – *Великий секрет*. Он ведь тебе нужен? Возьми!

И, размахнувшись, рыцарь швырнул конверт в объятый пожаром особняк Фердинанда Маркеса. Письмо влетело в открытую дверь, в клубы дыма и огня, в подобие преисподней.

– Нет! – закричал маркиз и, забыв страх, бросился за конвертом.

Все исчезло в бушующем мареве: пергамент с нарисованными фигурками, человек в дорогой бригантине... Особняк погибал. Навес над крыльцом отделился и рухнул, охваченный пламенем. Дым густо повалил через крышу, на которой от жара взрывалась черепица. Огонь пожирал стропила, и вскоре кровля должна была провалиться. Разлетающиеся искры подожгли дома напротив. От нестерпимой гари стало трудно дышать.

Ничего нельзя было сделать, чтобы спасти здания. Да Персиваль и не пытался. Он развернулся и бросился наутек.

С трудом разбирая дорогу, спотыкаясь и падая, рыцарь бежал, надеясь уцелеть. Пожар не стихал, рядом гремела битва – казалось, все силы зла в эту ночь ополчились против маленького городка. Персиваль плохо понимал, где находится.

Он двигался почти наугад. Но если был ад, должен был быть и рай. Вдруг сзади послышался голос:

– Персиваль! Персиваль, вы не в ту сторону бежите! Сюда!

Сомнений не было – это Шарлотта. Но как она оказалась здесь? Рыцарь устремился на звук.

Вскоре он обнаружил горничную и рядом с ней – трубадура.

– Что вы тут делаете? – воскликнул Персиваль.

– Мы пришли за тобой, – ответил Шарль.

– Вы ведь плохо видите в темноте, – пояснила Шарлотта. – Мы решили, что вам может понадобиться помощь.

Рыцарь был тронут.

– Спасибо, друзья! Но здесь очень опасно. Надо скорее...

Персиваль не успел закончить фразу. По темному небу со свистом пронеслась стрела и на излете вонзилась в грудь Шарлю. Красное оперение дрожало на вибрирующем древке. Трубадур охнул и тяжело осел на землю. По белой рубашке зловеще расплзлось багровое пятно.

– Нет, Шарль! Не умирай! – вскричала Шарлотта.

– Ничего не поделаешь, – побледнев, вымолвил трубадур. – Пала звезда-полюнь.

Рыцарь и девушка не могли сдержать слезы.

– Вы не должны расстраиваться, – тихо проговорил Шарль. – Видимо, пришло мое время. Струны должны рваться, птицы – улетать. Не надо плакать... Я совсем не

ощущаю боли. Кажется, я уже наполовину на небе... Мне почти хорошо... Я чувствую восхитительный аромат бордо...

Трубадур закрыл глаза. Шарлотта в отчаянии разрыдалась.

– Бордо? – вдруг переспросил Персиваль.

Шарль открыл один глаз.

– Действительно – странно... – он залез рукой под рубашку и вытащил флягу, которую сунул за пазуху в доме нотариуса. Стрела вонзилась в нее.

– Вот так комедия! – только и сказал рыцарь.

Шарль был невредим.

Эпилог, в котором рыцарь находит меч и ответ

К утру буря кончилась. Обороняющиеся держались еще не более часа после того, как Персиваль с друзьями покинули улицу Святой Магдалины. Когда стало ясно, что сражение проиграно, защитники крепости разбежались, побросав оружие, и стали прятаться по домам. Городок пал. Однако Фридрих проявил милость и смог удержать своих воинов от бесчинств над мирными жителями. Надо сказать, это потребовало от курфюрста гораздо больше усилий, чем победа в битве.

Рыцарь, горничная и трубадур провели остаток ночи в домике под двумя флюгерами. К счастью, ни пожар, ни война не дошли до их скромного убежища. Огонь с бранью погасли и сгнули по ту сторону тихой реки. Лишь одинокий всадник, как вестник свершившегося апокалипсиса, процокал в утренних сумерках по каменной арке моста. В руках он держал медный горн и потрепанный флаг Бранденбурга.

Громозвучно затрубив, глашатай провозгласил, что город отныне переходит под власть Фридриха Второго.

– Вот чтоб тебя! Опять спать мешают! – разразился бранью почти столетний старик, высунувшись из окна своего домишки. Он встал с постели лишь потому, что искренне

решил, будто раздалась труба архангела Гавриила. Ничто другое не смогло бы вытащить его из кровати. Поняв свою ошибку, старик раздосадовался, потом разозлился и в ярости захлопнул окно. Всякие Фридрихи – это в его возрасте уже не интересно. Сколько их было – тех Фридрихов? Фридрихи – это не навсегда.

Шарлотта привычно поставила на стол завтрак. Омлет, ветчина и масло были такими же, как вчера – словно ничего не случилось. В продуктах, конечно, ничего и не должно было поменяться. Но Персивалю это показалось странным – слишком много грозных событий свершилось за это время. И завтракать как ни в чем не бывало получалось с трудом. Он поел немного, зато Шарль уплетал за двоих. О вчерашнем не говорили.

Отставив миску, рыцарь поднялся из-за стола.

– Я собираюсь пойти к дому нотариуса, – сказал Персиваль, – чтобы поискать там свой меч. Вчера я потерял его в суматохе. Составите мне компанию?

– Я бы хотел, – ответил трубадур. – Но сегодня я, как вы помните, зван на пирушку. Сходи с Шарлоттой.

Девушка была не против. Вдвоем они вышли из домика. От бывших накануне примет скорого ухудшения погоды не осталось и следа. Небо очистилось. Морской ветер убрал облака. Впрочем, солнце все равно светило как-то по-особенному робко. Будто не решаясь сильно тревожить землю.

Персиваль и Шарлотта перешли по мосту и вскоре ока-

зались в той части города, которая вынесла на себе несчастье пожара и ужас войны. В воздухе еще пахло гарью. Но люди уже трудились. Работа кипела. Жители восстанавливали утраченное и чинили то, что можно было спасти. Разбирали завалы, выбрасывали обломки, ремонтировали пострадавшие дома. Многие несли на себе печать случившихся катастроф – у кого была забинтована голова, у кого – рука на перевези. Но жизнь продолжалась и отвоевывала свое. И строила новое.

– Ибо прежнее небо и прежняя земля миновали... – подвел итог Персиваль. – Да, немало выпало испытаний. И нам, и бедному городку.

– Немало, – согласилась Шарлотта. – Но они закаляют. Мама всегда говорила мне: если в ковшике есть дыра – он испорчен. Если в нем много дыр – он дуршлаг.

Наконец рыцарь и девушка добрались до улицы Святой Марии Магдалены. Церковь уцелела, люди смогли отстоять ее от огня. Храм по-прежнему возвышался над окрестностями, как незыблемая скала. Лишь незначительные повреждения выдавали то, что он тоже перенес бурю. Тело маркиза Арбогаста так и не нашли. Возможно, он выжил, хотя и трудно было бы уцелеть в том пламени. А вот от дома нотариуса почти ничего не осталось – лишь почерневшие развалины. И пепел. Уже остывший. Шарлотта не смогла сдержать слезы, увидев это.

– Погибла карта сокровищ, – печально констатировал

Персиваль.

– Погибло *сокровище*, – проговорила Шарлотта, разглядывая руины.

– Вот и мой меч, – воскликнул рыцарь, разгребая кучку золы.

Он достал оттуда клинок, и к счастью, он был как новенький. Даже янтарь на гарде блистал не замутненный и не поцарапанный.

– Целый и невредимый, – промолвила Шарлотта.

– Я вот что не могу понять, – ни с того ни с сего сказал Персиваль. – Эта тайна, этот шифр, этот код, который записал нотариус – как это получилось? Столько великих людей участвовало в его создании: Иероним Босх, Кретъен де Труа, Прокопий Кесарийский. Но ведь все они жили в разных местах и даже в разное время. Каким образом они смогли соединить свои мысли? Выходит, это и вправду *Великий Заговор, идущий сквозь Века и Страны*?

Шарлотта рассмеялась.

– Господи! Персиваль, вы так ничего и не поняли! Да ведь никто из перечисленных вами персон и знать не знал ни про секрет, ни про господина Маркеса, ни даже, скорее всего, друг про друга. Нотариус просто *придумал* этот шифр, собрав те детали, которые *случайным образом* оказались возле него в тот момент.

– Получается, мы сами создаем загадки из окружающей нас действительности?

– Видимо, да.

Они помолчали.

– Что вы будете делать дальше, Персиваль?

– Продолжу путь в Псков. А вы?

– Не знаю.

– Можете поехать со мной.